

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Гао Лия

**Концептуальные модели
социальной действительности в периодических изданиях
эпохи русских революций**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Валентинова Ольга Ивановна

Москва, 2026

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Объяснительные возможности метода моделирования в исследовании публицистических текстов	14
1.1 Историческая характеристика материала исследования	14
1.1.1 Газета как особый вид носителя информации	14
1.1.2 Ситуация в послереволюционной России как момент истории. Диспозиция газетных изданий	17
1.2 Онтологическая сущность публицистического стиля	32
1.3 Объяснительные возможности метода моделирования	40
Выводы по главе 1	47
Глава 2 Содержательная структура конструкторов моделей социальной действительности <i>народ, власть и враг</i> в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов	49
2.1 Содержательная структура конструктора <i>народ</i> в печати политических противников	49
2.1.1 Сравнительная субмодель атрибутов номинации <i>народ</i>	49
2.1.2 Сравнительная субмодель денотативного значения номинации <i>народ</i>	56
2.1.3 Сравнительная субмодель контекстуальных синонимов номинации <i>народ</i>	63
2.1.4 Сравнительная субмодель степени субъектности/бессубъектности номинации <i>народ</i> в соотношении с семантикой синтаксически связанных с номинацией глаголов	76
2.2 Содержательная структура конструктора <i>власть</i> в печати политических противников.....	80
2.2.1 Сравнительная субмодель атрибутов номинации <i>власть</i> ...	80

2.2.2 Сравнительная субмодель денотативного значения номинации <i>власть</i>	94
2.2.3 Сравнительная субмодель контекстуальных синонимов номинации <i>власть</i>	96
2.2.4 Сравнительная субмодель степени субъектности / бессубъектности номинации <i>власть</i> в соотношении с семантикой синтаксически связанных с номинацией глаголов	99
2.3. Содержательная структура конструкта <i>враг</i> в печати политических противников	106
2.3.1 Сравнительная субмодель атрибутов номинации <i>враг</i>	108
2.3.2 Денотативное значение словосочетания <i>враги революции</i> и его контекстуальные синонимы.....	110
2.3.3 Сравнительная субмодель денотативного значения номинации <i>враг</i>	114
2.3.4 Сравнительная субмодель степени субъектности/бессубъектности номинации <i>враг</i>	117
Выводы по главе 2.....	120
Заключение	124
Литература	132

Введение

Исследование посвящено реконструкции моделей социальной действительности, формируемой в периодических изданиях политических соперников в период исторической неопределенности, когда исход русской революции 1917 года не был очевиден и усилия разных партий во многом нейтрализовались действиями друг друга. Это период длился с начала 1917 года до 1920 года, хотя большевики уже через несколько недель после захвата власти издают “Декрет о печати” (27 октября 1917 года по старому стилю) и “Декрет введения государственной монополии на объявления” (25 ноября по 1917 года старому стилю), которые были нацелены на борьбу с небольшевистской печатью.

Актуальность исследования обуславливается несколькими факторами. С научной точки зрения объяснительный потенциал представленного в работе метода моделирования в лингвистической и филологической науке представляется глубоко недооцененным и требует доказательства широких возможностей его применения в исследованиях. Метод предполагает необходимость опоры на общую теорию систем, а также на дальнейшую разработку научных представлений о взаимосвязи языкового и мыслительного содержания, на установление корреляций между языковыми узואльными значениями и речевыми актуальными смыслами тех или иных текстовых единиц, что является одним из основных объектов рассмотрения в современной когнитивной науке и предметом особого интереса дискурс-анализа текстов различной стилистической направленности.

В этом аспекте особенно важно отметить тот факт, что методологически обоснованные исследования на современном этапе развития наиболее востребованы в сфере политической и социолингвистики. Более того, динамично развивающаяся политическая ситуация в мире в целом и в отдельных его регионах, кризис диалога, приводящий к катастрофическим последствиям, конфликты, вызванные низкой культурой понимания, сообщают

дополнительную актуальность работе, выходящей за пределы лингвистики и филологии в область социологии, политологии и истории.

Уточним, что под концептуальными моделями Г.П. Мельников, на системологическую теорию которого мы опираемся в нашем исследовании, понимает такие модели, которые выявляются «в связи с потребностями сформулировать и зафиксировать складывающиеся знания о сущности изучаемого объекта [в нашем случае о социальной действительности — *Г.Л.*], т.е. об определяющих свойствах, не данных в прямом наблюдении, а выведенных логически как предполагаемая внутренняя причина появления наблюдаемых свойств» [Мельников 2003: 187].

Таким образом, **объектом исследования** выступают тексты периодических изданий трех политических партий — субъектов революции: партии большевиков, партии эсеров и партии кадетов.

Предмет исследования составляют концептуальные модели социальной действительности в текстах отобранных периодических изданий эпохи русских революций начала XX века.

Материалом исследования послужили номера трех периодических изданий:

- «**Красная газета**», орган печати партии большевиков, — №7 от 02.02.1918, №8 от 03.02.1918, №11 от 07.02.1918, №12 от 08.02.1918, №31 от 02.03.1918, №33 от 05.03.1918, №35 от 07.03.1918, №36 от 08.03.1918, №37 от 09.03.1918, №38 от 10.03.1918, №39 от 12.03.1918, №49 от 24.03.1918, №59 от 05.04.1918, №69 от 18.04.1918, №74 от 24.04.1918, спец. вып. от 19.07.1920, №1 от 01.01.1920, №10 от 15.01.1920, №11 от 16.01.1920, №101 от 11.05.1920, №126 от 11.06.1920, №105 от 15.05.1920, №140 от 27.06.1920;
- «**Земля и воля**», орган печати партии эсеров, — №1 от 21.03.1917, №3 от 19.03.1917, №86 от 05.07.1917, №90 от 09.07.1917, №100 от 27.07.1917, №101 от 28.07.1917, №102 от 29.07.1917, №103 от 30.07.1917, №104 от 01.08.1917, №105 от 02.08.1917, №106 от 03.08.1917, №32 от 03.03.1918;

- «Русские ведомости», орган печати партии кадетов, — №1 от 01.01.1917, №73 от 01.04.1917, №100 от 05.05.1917, №118 от 28.05.1917, №120 от 30.05.1917, №130 от 10.06.1917, №150 от 04.07.1917, №164 от 20.07.1917, №173 от 30.07.1917.

Принципом отбора номеров стала хронологическая, тематическая и событийная соотносимость материала.

Гипотеза исследования состоит в том, что в текстах, осознанно направленных на деформацию действительности в восприятии массового читателя, к которым относятся политически ангажированные публикации в период обостренной борьбы за власть, непроизвольно отражаются подлинные намерения авторов.

Цель, которая ставится в этом исследовании, — реконструкция моделей социальной действительности в периодической политической печати эпохи русских революций и их сравнение.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- уточнить сущность метода моделирования, соотношение модели и оригинала, соотношение модели и отражения;
- определить базовые конструкты, задействованные в моделировании социальной действительности политическими силами в периодической печати эпохи русских революций;
- установить содержательную структуру знаков, обозначающих эти конструкты в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов;
- определить области семантической тождественности и симметрической разности содержания рассматриваемых конструктов в разных органах печати;
- на основании установленных сходств и различий построить сравнительную концептуальную модель социальной действительности, реализованную в печати трех политических сил.

Ранее концептуальное моделирование применялось в работах Г.П.

Мельникова для создания объяснительных моделей морфологических типов языков. В его монографии и в курсе лекций для студентов особенно детально была разработана объяснительная модель агглютинативных и флективных языков [Мельников 2003: 187]. Многие аспекты объяснительной модели флективных языков были исследованы в диссертациях аспирантов Г.П. Мельникова [Дремов 2010, Лутин 2000, Крашевская 2003 и др.].

Для исследования текстов метод моделирования также использовался ранее, например, О.И. Валентиновой при реконструкции динамической модели русского литературного языка XI-XXI веков [Валентинова 2016] и моделей типологически особенных художественных текстов [Валентинова 2005]. В исследованиях аспирантов О.И. Валентиновой были реконструированы концептуальные модели предвыборных компаний [Тузова 2016], защитительных текстов эпохи судебных реформ Александра II [Козловская 2019], семантическая модель православной литургийной проповеди [Медведев 2017], модель образа автора в сочинении В.О. Ключевского "История России" [Ван Лэлэ 2022]. Культурные модели эпохи реконструировал Ю.М. Лотман [Лотман 1992]. А.В. Загуменнов разработал герменевтическую модель богословских трудов вдохновителей церковного раскола XVII века [Загуменнов 2018, 2022].

В то же время, хотя периодическая печать интересующего нас периода привлекала внимание историков журналистики [Махонина 2005, Молчанов 2002], исследователей публицистического стиля и его истории [Костомаров 1971, Солганик 2003], историков языка [Селищев 2003], исследователей языка власти и языка оппозиции, индивидуального стиля политических лидеров [Китайгородская, Розанова 2003, Чудинов 2020 и др.], сама идея сравнительного моделирования социальной действительности, формируемой в периодике политических соперников/противников/врагов в период исторической неопределенности, высказывается и реализуется *впервые*.

Таким образом, **новизна** исследования определяется тем, что *впервые* в филологической науке были выявлены концептуальные модели социальной действительности в исторически маркированных текстах на основе общенаучной системной методологии с учетом онтологической сущности публицистического стиля, а также был разработан алгоритм реконструкции субмоделей и итоговой сравнительной модели. В работе *впервые* показано, что концептуальные модели социальной действительности являются одновременно структурными моделями. В исследовании определено, что в период политических и социальных потрясений константными конструктами конкурирующих моделей социальной действительности выступают *власть*, *народ* и *враг*, прояснение особенностей содержательного соотношения между которыми позволяет эксплицировать сущностные (концептуальные) свойства каждой модели, выявить несоответствие видимости и сущности, обнажающее подлинные намерения той или иной политической силы. Идея сравнения, реализованная в исследовании на разных уровнях, дала возможность обнаружить концептуально значимые свободные валентности в отдельных моделях социальной действительности и на основании занятых и свободных валентностей *впервые* предложить универсальную модель социальной действительности периода исторической неопределенности, изменение соотношения занятых и свободных валентностей которой будет характеризовать ее отдельную реализацию, уже осуществленную и потенциально возможную.

В диссертации использовались **методы** лингвистического моделирования, сравнения, математический метод теории множеств, контекстуально-семантический и оппозитивный анализ.

Применение метода моделирования стало возможным после установления иерархического соотношения разного рода методов и использования тех из них, которые в данном контексте можно считать вспомогательными: это метод контекстуально-семантического анализа для установления контекстуальных

значений; оппозитивный метод, позволяющий определить текстовые оппозиции; математический метод теории множеств, выявляющий зоны симметрической тождественности и симметрической разности содержания исследуемых социальных сущностей; метод сопоставления, с помощью которого можно обнаружить семантические оппозиции между омонимичными знаками, обозначающими социальные данности в разных политических изданиях. После реконструкции моделей социальной действительности, формируемых в периодической печати большевиков, эсеров и кадетов, становится возможным построение их сравнительной модели. Таким образом, методы моделирования и сравнения использовались на разных уровнях исследования.

Методологической основой исследования послужило философское положение о диалектической связи языка и сознания: язык отражает сознание и одновременно участвует в его формировании [Философский энциклопедический словарь 1983: 624].

Теоретическая значимость исследования состоит в раскрытии объяснительного потенциала метода моделирования в филологической науке, разработке принципов выведения концептуальной модели социальной действительности в исторические периоды предельной политической неопределенности на основе установленных в работе базовых конструктов модели и алгоритма определения их содержательной структуры, создании универсальной модели социальной действительности, позволяющей оперативно установить вариант ее реализации в политической печати.

Теоретической базой исследования послужили следующие работы:

- труды по теории моделирования и практике использования этого метода в лингвистике и филологии [Валентинова 2005, 2016, Загуменнов 2022, Лотман 1992, Мельников 2003 и др.];
- работы по выявлению особенностей публицистического стиля [Китайгородская, Розанова 2003, Костомаров 1971, Солганик 2003 Купина 2017, Чудинов 2021 и др.];

- исследования, проясняющие онтологическую сущность публицистики [Бахтин 1996, Валентинова 2016 и др.];
- исследования изменения русского языка в период русских революций [Селищев 2003 и др.].

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в лекционных курсах по истории русского литературного языка, социальной и политической лингвистике, методологии филологических исследований.

На защиту выносятся следующие положения:

- метод моделирования позволяет вывести на первый план сущностные свойства изучаемого объекта за счет редукции его второстепенных свойств;
- основные конструкты, задействованные в создании модели социальной действительности в период предельной политической неопределенности, обозначаются номинациями *народ*, *власть*, *враг*; под конструктом *власть* понимаются представители власти как функционально значимая часть общества;
- концептуальная модель социальной действительности одновременно является ее структурной моделью;
- содержательная структура конструктов *народ*, *власть*, *враг* реконструируется на основе анализа:
 - атрибутов номинаций, обозначающих конструкты;
 - контекстуальных синонимов и антонимов этих номинаций;
 - синтаксической функции номинаций, выступающих в роли агенса или пациенса;
 - семантики глаголов-сказуемых, связанных с той или иной номинацией отношениями координации или управления;
- общие для социальных моделей трех политических сил конструкты, обозначаемые одинаковыми номинациями, обнаруживают существенные

денотативные, смысловые и оценочные различия, оказывающиеся сущностными;

- реконструкция концептуальных моделей социальной действительности, представленной в политической прессе, позволяет вскрыть несоответствие видимости и сущности;
- обнаруженные занятые и свободные валентности выведенных частных моделей дают возможность создать универсальную модель социальной действительности, реализуемую в политической прессе в период неустойчивого равновесия противоборствующих сил.

Апробация работы:

Основные положения диссертационного исследования отражены в 4 публикациях в ведущих рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень ВАК Минобрнауки РФ, и 1 публикации РИНЦ:

Гао Лия Лексические трансформации в языке революционных газет (на материале "Народной газеты") //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 14. С. 722–725. ВАК (К1)

Гао Лия Революционные идеи 1917–1918 гг. как катализатор изменения языка публицистики //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 2. С. 461–466. ВАК (К1)

Гао Лия Трансформация лексического состава и средств выразительности русского языка в период революции 1917 года // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 8. С. 150–156. ВАК

Гао Лия Идеологизация русского языка после революции 1917 г. (по материалам «Красной газеты») // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72708 ВАК

Гао Лия The Ideologization of the Russian Language after the Revolution of 1917 // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2021. С. 1785–1791. РИНЦ

Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка литературы.

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, его объект, предмет, материал и принцип отбора материала, определяются цель и задачи работы, новизна и методы исследования, формулируются гипотеза и методологическая основа, излагаются выдвигаемые на защиту положения, раскрывается теоретическая значимость и практическая ценность диссертации.

В **первой главе «Объяснительные возможности метода моделирования в исследовании публицистических текстов»** для обеспечения необходимого подобия модели и оригинала дается исторически детерминированная характеристика материала исследования и проясняется онтологическая сущность публицистического стиля, обсуждаются объяснительные возможности метода моделирования с учетом его применения при выведении концептуальных моделей социальной действительности, формируемых в политической печати в период исторических катастроф.

Во **второй главе «Содержательная структура конструкторов модели социальной действительности *народ, власть и враг* в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов»** разрабатывается и верифицируется исследовательский алгоритм выведения содержательной структуры концептуальной модели социальной действительности на основе выявления содержательной структуры составляющих ее конструкторов и их соотношения. Выводятся 12 субмоделей, последовательное сопоставление которых позволяет построить сравнительную модель социальной действительности, отраженную в печати трех политических противников, и одновременно – на основании

сравнения – прояснить имплицитные характеристики социальной модели каждой отдельной политической силы.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и излагаются его основные результаты.

Список литературы включает в себя труды российских и зарубежных авторов, словари и интернет-ресурсы.

ГЛАВА 1

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

156.1 Историческая характеристика материала исследования

Период с февраля 1917 по 1920 год вошел в историю России как время исторической неопределенности – уникального хронотопа, характеризующегося крахом прежних координат (политических, экономических, социальных, культурных) и формированием альтернативных, часто взаимоисключающих, проектов будущего. Это было время максимальной подвижности социальных структур, предельной политизированности общественной жизни и ожесточенной борьбы дискурсов, пытавшихся осмыслить настоящее и навязать свое видение будущего. Это была «ситуация исторического безвременья», когда «старые скрепы общественной жизни оказались разрушенными, а новые еще не были укоренены» [Зубков 2021: 7]. Именно в этом напряженном пространстве неопределенности происходило активное моделирование социальной действительности на страницах периодических изданий, становившихся ключевыми аренами для конструирования и продвижения своих концептуальных моделей.

156.1.1 Газета как особый вид носителя информации

Мы уже отмечали, что объектом нашего исследования являются тексты политических газетных изданий, которые до эпохи радио и телевидения были едва ли не единственным инструментом продвижения идей и построения виртуальных моделей действительности, задаваемых определенной заинтересованной группой людей.

История российской газетной публицистики до интересующего нас времени насчитывает не более двух столетий. Газеты появились в начале XVIII века по указу Петра I. Первая газета «Ведомости» с начала своего основания в 1703 году, сообщая об успехах армии, открытии мануфактур и событиях европейской жизни, служила инструментом имперской пропаганды и просвещения. Это было рукописное, а затем печатное издание для *узкого круга* придворной и чиновной элиты. Его главной функцией было донесение монаршей воли и формирование новой, европейски ориентированной картины мира у подданных. Таким образом, уже с самого момента своего возникновения как нового явления в жизни Российской империи газета не столько ставила себе целью информировать читателя об объективно значимых событиях, сколько настроить его на определенное, желаемое восприятие окружающей социальной действительности. В контексте нашего исследования этот тезис является важнейшим.

Сама архитектура газеты, структурное построение текстов было подчинено удовлетворению запроса со стороны определенной части общества, имеющей доступ как к непосредственной, так и к удаленной информации, и направлено на вполне определенную другую часть общества. Цель – сохранение устойчивого состояния и той, и другой частей общества.

В общественную силу газета постепенно превращается на протяжении всего XIX века. Первый «газетный бум» начинается вместе с реформами Александра II благодаря ослаблению цензуры и росту грамотности. Результатом стало возникновение целого ряда новых функций, присущих газете как общественному явлению. Появились влиятельные частные издания, такие как «Голос» А.А. Краевского или «Новое время» А.С. Суворина. Они информировали читателя о тщательно отобранных событиях, формировали общественное мнение, вели политическую полемику, становились трибуной политиков, публицистов и литераторов. Газета стала связующим звеном между

разными слоями населения огромной империи, пространством, где впервые открыто ставились острые социальные вопросы.

С этого времени уже можно говорить о возникновении феномена средств массовой информации (масс-медиа), хотя это понятие в приложении к газетам второй половины XIX века применяется с рядом оговорок. Но, по сути, именно эту функцию газеты начинать играть в жизни общества.

Газета как вид масс-медиа представляет собой сложный, композиционно организованный поток информации, целью которого является не только и не столько информирование, сколько структурирование картины мира для широкой и разнородной аудитории.

Внешняя форма газеты — свёрстанные полосы, разделённые на колонки, — отражает внутреннюю структуру: иерархию новостей и тем, разграничение жанров. Газета формирует направление коллективного внимания: расположение материала на странице прямо указывает на предполагаемую значимость материала.

Первая полоса — это заявление о главном. Внутренние страницы — это пространство для углубления и интерпретации информации. Газета осуществляет не только отбор, но ранжирование событий, предлагая читателю не случайную сумму фактов реальности, а её упорядоченную, хотя и субъективную, модель.

Газетная статья в газете как целом является базовой смысловой единицей. Это особый вид текста. Композиционно классическая газетная статья часто строится по принципу «перевернутой пирамиды». Самый важный тезис, суть события формулируется в первом абзаце, отвечающем на вопросы: что, где, когда и с кем произошло.

Язык газетной статьи — это баланс между доступностью и точностью знакового выражения смыслов, с одной стороны, и искусством выстраивать смыслы — при помощи тех же доступных знаков — в нужном ракурсе.

Газетная статья направлена на выполнение конкретной медийной задачи: не только оперативно сообщить и детально объяснить, но и эмоционально воздействовать или критиковать. Её сила — в этой целевой определённости. Газетные статьи становятся «слепком эпохи» и потому представляют собой ценнейший материальный источник для исследователей разных направлений.

В эпоху русских революций роль газеты достигла апогея. Большевики смогли сделать газету не только средством информации и агитации, но и «коллективным организатором». После того, как была установлена государственная монополия на издательскую деятельность, такие мощные государственные концерны, как «Правда» или «Известия», а наряду с ними и десятки других партийных газет стали мощнейшим оружием в борьбе за власть, а затем и инструментом строительства нового общества. Газета превратилась в главного воспитателя масс, проводника идеологии, средство мобилизации и контроля. В советский период пресса функционировала как строго централизованная система, где каждая газета, от всесоюзной до районной, являлась частью единого пропагандистского механизма.

Тем интереснее в свете нашего исследования тот невероятно короткий период относительной свободы, наступивший сразу после революции 1917 года и продолжающийся всего несколько лет, пока монополия на печатные издания, быстро объявленная большевиками, еще не была окончательно установлена.

156.1.2 Ситуация в послереволюционной России как момент истории. Диспозиция газетных изданий

Крушение монархии в феврале 1917 г. породило не ожидаемую стабильность, а вакуум власти. Феномен «двоевластия» (Временное правительство и Советы) был только наиболее явным выражением множественности центров влияния — от городских дум и земств до национальных правительств и анархистских «вольных территорий». Революция

высвободила «первобытную стихию» массового протеста, который «не укладывался ни в какие политические программы», создавая основу для «анархического мироощущения» [Булдаков 2010: 110]. Политическая неопределенность была тесно переплетена с военной: Первая мировая война, затем – Гражданская с постоянно меняющейся линией фронтов, «зелеными» повстанцами, интервенцией и локальными конфликтами. Неясность пространственных границ российского государства прямо влияла на восприятие социальной структуры общества.

Обвал промышленного производства, кризис транспортного сообщения, невозможность снабжения городов продовольствием, гиперинфляция, натурализация обмена создавали ощущение тотального распада государства и крайней уязвимости каждого человека. «Чрезвычайщина» стала обыденностью [Павлюченков 2021: 32], жизнь трансформировалась в выживание. Прежняя социальная структура распалась, общество атомизировалось. Массы крестьян, солдат, рабочих, не имея культуры представительства, были восприимчивы к идеологическим конструктам, тиражируемым прессой.

Совершенная неопределенность порождала экзистенциальное напряжение, поляризацию общества, активный поиск смысловых ориентиров [Колоницкий 2010: 18].

В подобных исторических ситуациях образуется особый психический механизм трансляции — передачи функциональных элементов социальной структуры из одного, разрушающегося состояния в другое, складывающееся. Языковая личность, выступающая единицей коммуникативного сообщества, существует в ограниченном хронотопе. Однако знак продолжает воспроизводиться, пока есть говорящий и слушающий (вне зависимости от их материальных носителей). Именно поэтому трансляция представляет собой передачу содержания от разрушающегося состояния к складывающемуся. В этот условно бесконечный поток коммуникативных актов оказываются вовлечены не только отдельные знаки, но и такие сложные структуры, как идеология.

Методы контекстного анализа, реконструкции и моделирования [Валентинова 2019: 22] использовались в работе с позиций системной филологии и герменевтики с акцентом на «имманентную структуру, имеющую право на самостоятельное существование» [Новиков 2001: 214] в текстах.

В свете сказанного отбор материала исследования приобретает колоссальное значение. Органы печати разных политических сил пытались преодолеть неопределенность, создавая концептуальные модели социальной действительности. Они предлагали читателям схемы для понимания хаоса, идентификации врага, оправдания насилия, конструирования образов прошлого и будущего. Каждое издание – большевистские «Красная газета», «Правда», эсеровские «Земля и воля», «Дело Народа», кадетские «Русские ведомости», «Речь», анархистский «Буревестник» и т.д. – выступало как механизм, фильтрующий реальность сквозь призму своей идеологии, и одновременно проектирующий будущее в соответствии со своими политическими целями.

Взаимодействие противостоящих групп сопровождается его своеобразным резким переходом в среду пока не вовлечённых в конфликт людей, которые «обволакиваются» деформируемым смысловым потоком, образующим невидимый каркас повторяющегося процесса идеологизации, затрагивающего не только современников, но и последующие поколения, как можно теперь уверенно утверждать с позиций ретроспективного взгляда на произошедшее.

Следует еще раз пояснить, почему именно пресса была выбрана в качестве источника материала. На тот момент истории газеты были единственным самым оперативным средством воздействия на массового потребителя информации. Расстояние от источника информации к ее потребителю измерялось несколькими часами не только в центральных губерниях, но и в довольно отдаленных районах России.

Могут возникнуть возражения, что большая часть населения была неграмотна и узнавала новости понаслышке. Это прекрасный пример прецедентной идеи. Прецедентность идеи отчетливо прослеживается в газетно-

публицистическом массиве как начала XX века, так и позже. Так, в «Красной газете» противники советской власти оценивали уровень образования как установление ‘республики неграмотных’. Схожий контекст через десятилетия встречается в текстах, говорящих о ‘ликвидации безграмотности’ и ‘формировании нового человека’: «Вот оценка уровня образования со стороны «противников советской власти», обнаруживаемая в «Красной газете»: *«Когда революционный народ сверг буржуазный строй, все европейские газеты подняли свирепый вой против “хамодержавия” и “республики неграмотных”»* [Загуменнов 2022: 808]. В приводимой статье описываются успехи школьного образования молодой страны. Сходный по смыслу контекст А.В. Загуменнов обнаружил и в научной работе, написанной столетием позже: *«И уже в первое десятилетие советской власти проводилась значительная работа по ликвидации безграмотности среди населения, в конечном итоге способствовавшая формированию нового человека, воспитанного в духе коммунистической морали»* [Сучилкина 2016: 32]».

Между тем прецедентная идея о всеобщей безграмотности российского населения начала XX века опровергается фактами. Российская пресса к 1917 году получила обширную аудиторию.

Да, в 1897 г. только 21,1 % населения умела хотя бы читать [Рашин 1956]. Очевидно, что такой низкий показатель грамотности не давал возможности воздействовать на массы через печать. Однако после 1897 года уровень грамотности стал стремительно повышаться в связи с развитием начального общего образования. Перепись населения, фиксировавшая процент грамотности, была запланирована на 1915 год, но ее отменили из-за Первой мировой войны. Однако мы можем опираться в своих выводах на сохранившиеся данные сравнительного уровня грамотности призывников, подавляющее большинство которых — крестьяне. К 1913 году грамотность среди призывников составляла 73 %, а к 1917 — уже более 80 %. Так **что**, начиная с 1917 года российские

печатные политические периодические издания можно считать эффективным средством воздействия на массового читателя [Филатова 2018].

С октября 1917 по 1920 год в России выходило около 3000 наименований газет [Молчанов 2020]. Газеты издавали центральные и региональные органы власти, агитационные учреждения, армейские органы, информационные агентства, учреждения распространения прессы. Печатные издания распространялись от лица политических партий (РКП(б), меньшевиков, кадетов, эсеров, анархистов), общественных организаций, партизанских отрядов и коопераций. Больше всего печатных СМИ выходило от лица Советов и комитетов РКП(б), то есть большевиков. Они создали широкую сеть изданий различного уровня: центральные, губернские, уездные. В феврале 1918 года в России выходило 293 газеты (центральные, губернские, уездные), отражающие политику большевиков. Печатью большевиков были охвачены 68 губерний и 216 городов. Лучше всего политическими изданиями были обеспечены центральная часть России и Урал. Именно здесь были сосредоточены основные издательские мощности большевиков. Историки связывают отсутствие типографий для выпуска больших тиражей политической печати большевиков, как это было, например, в Казахстане, Сибири, на Дальнем Востоке, с наиболее сильным сопротивлением советской власти. На территориях особенно острой борьбы с большевиками их политические противники тоже использовали печать: в Алтайской, Енисейской, Иркутской, Омской и Томской губерниях летом и осенью 1918 года выходило 95 наименований «белых» газет [Семенова 1977]. Широкое распространение получило публичное чтение газет вслух для безграмотных.

Характерным свидетельством действенности политической периодической печати стало и то, что уже в начале июля 1918 года началась активная борьба с небольшевистскими изданиями. Поляризация оценочности достигает своей высшей точки в тот момент, когда, например, в «Красной газете» 1920 г. жестко и бескомпромиссно к положительному полюсу причисляются

рабочие, пролетарии, а к отрицательному — *буржуазия, бывшие владыки мира*. Забегая вперед, отметим, что весь предыдущий период, начиная с 1917 года, социальные модели современного для того момента общества строились далеко не столь однозначно и далеко не только с помощью лексем *народ, враг, власть*, чему посвящена вторая глава нашей работы. Именно поэтому механический частотный анализ встречаемости названных лексических единиц категорически не может отразить действительное положение дел в идеологической сфере: сущностно разные модели строились на основе языковых и конструктивных способов преобразования смыслового содержания знаков, обозначавших **конструкты моделей социальной действительности**. Именно эти преобразования позволяли разным политическим силам в период обостренной борьбы за власть создавать аксиологические оппозиции ‘свой/чужой’, ‘добро/зло’, которые и выступали проявлением идеологизации текстов.

Идеологизация независимо от исторического периода, который она охватывает, поддерживается стереотипностью массового мышления и механизмом возобновляемости. Многократное идеологическое воздействие перерабатывает исходный факт, создавая вторичное высказывание с деформированными смыслами. Каждое последующее упоминание в новом контексте закрепляет ангажированные коннотации. Даже академическое изучение таких текстов может порождать новый пласт идеологизированных работ, переводя искажённый факт в научную форму. Количественное отслеживание употребляемости тех или иных лексических единиц или словосочетаний дает возможность раскрыть картину социальной действительности управляемых средств массовой информации, в нашем случае – газет, только тогда, когда коннотации уже закреплены, а альтернативные точки зрения либо отсутствуют, либо используют иные языковые средства для создания своей, иной картины социальной действительности. Именно поэтому в нашей работе мы ограничили верхнюю временную границу анализируемых текстов 1920-м годом.

К этому моменту центральные газеты «Правда» и «Известия ВЦИК» опубликовали постановление отдела печати при Моссовете, которое признавало недействительными все лицензии о регистрации периодической печати, выданные до 6 июля 1918 года. Исключение составляла периодика РКП(б), советских учреждений и неполитических изданий. По этому постановлению в Москве было закрыто около 150 изданий [Окороков 1967: 239]. В Советской России закрывались издания, принадлежащие предпринимательским кругам, кадетам, меньшевикам и эсерам. Большевики конфисковали крупнейшие типографии, где печатались газеты «Речь», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Русская воля», «Петроградский листок», «Новая Русь», «Живое слово», «Копейка» и другие. В Москве у владельцев изъяли типографии газет «Русское слово», «Русские ведомости», «Раннее утро», «Московский листок» и т.д. То же самое происходило в Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Одессе, Харькове и других городах [Молчанов 2003]. Нарастающую динамику процесса отражают данные по периодической печати Сибири: «если в конце октября – ноябре 1917 года на 10 большевистских газет приходилось 22 буржуазно-кадетские, то в мае 1918 года это соотношение уже было 28:5» [Косых 2018: 15].

Частные типографии переходили в собственность советского государства. Так, например, в крупнейших типографиях, где ранее выходили «Русское слово», «Речь», «Новое время», «Русская воля», стали выходить большевистские издания «Беднота», «Деревенская беднота», «Правда» [Агеева 2013: 70–82].

Значимым событием в борьбе большевиков с политическими противниками стало издание «Декрета о печати» 28 октября 1918 года. Согласно ему, закрытию подлежали органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению и осуждающие действия Рабочего и Крестьянского правительства. В Декрете говорилось, что эти издания извращают факты и призывают к действиям преступного характера.

Оппозиционные газеты закрывались, но многие возобновляли свою работу под новыми названиями: «День» восстанавливалась как «Полдень», «Новый

день», «Грядущий день», «Полночь», «Ночь»; «Рабочая газета» – как «Луч», «Заря», «Клич», «Пламя», «Факел» [см. об этом Кузнецов 2002].

Оппозиционная пресса без борьбы не сдавала своих позиций. В конце 1917 года только в Сибири выходили 24 буржуазно-кадетские газеты, среди которых такие крупнейшие издания, как «Сибирская жизнь» (Томск), «Свободная Сибирь» (Красноярск), «Иркутская жизнь» (Иркутск), и 6 буржуазно-демократических журналов. Во всех этих изданиях Октябрьский переворот был встречен резко негативно, авторы и редакторы открыто называли его заговором большевиков [Косых 2018].

«Декрет о введении государственной монополии на объявления» стал еще одним средством большевиков в борьбе с оппозиционной прессой. Многие издания лишились доходов от объявлений и рекламы. Пострадали «Копейка», «Русское слово», «Речь», «Биржевые ведомости», «Новое время» и многие другие. Ответом стало открытие рекламной деятельности в тех изданиях, которые до этого не размещали объявлений («День», «Наш век», «Новая речь») [см. об этом Кузнецов 2002].

Несмотря на сопротивление, к началу 1920 года большевики завоевали монополию на издательское дело. Однако период с 1917 года до 1920 был историческим безвременьем, порожденным крахом империи, революцией и гражданской войной. Состояние хаоса – политического, экономического, социального, ценностного – стало пусковым механизмом формирования конкурирующих концептуальных моделей социальной действительности в борьбе за власть. Периодическая печать выступала основным полем идеологического состязания.

Ключевые позиции в этой борьбе занимали ведущие органы печати основных политических сил, находившихся в состоянии острейшей конфронтации: большевиков, левых эсеров и кадетов. Такова причина, по которой заявленное исследование проводилось на материале публикаций именно этих изданий: «Красной газеты» большевиков, «Земли и Воли» эсеров и

«Русских ведомостей» кадетов. Каждое из них, будучи продуктом своей политической среды, выражая ее программные установки, формировало свою модель интерпретации социальной действительности.

Возникшая после Февральской революции беспрецедентная свобода печати, приведшая к буму политических изданий, с усилением власти большевиков была постепенно задавлена. Поэтому исторический путь отобранных нами изданий был различен: «Красная газета» существовала как официальный орган победившей силы, «Земля и Воля» издавалась легально только до разрыва большевиков с левыми эсерами летом 1918 года, а «Русские ведомости» подвергались постоянным репрессиям и были окончательно закрыты большевиками в 1918 году, продолжив существование в подполье или «на белых территориях» в измененном виде [Жирков 2001: 89]. Дадим краткую характеристику каждому изданию.

«Красная газета» издавалась в Петрограде, была органом печати Петроградского Совета, а фактически – большевиков. Созданная в январе 1918 года газета стала одним из основных средств большевистской пропаганды в бывшей столице. Задачи, которые ставились перед изданием: мобилизация рабочих и солдат на защиту «завоеваний Октября», разъяснение политики Совнаркома, разоблачение контрреволюции и интервентов. Газета последовательно отстаивала концепцию диктатуры пролетариата как единственно верного пути через Гражданскую войну к социалистическому будущему.

Рисунок 1. Выпуск большевистского издания «Красная газета» от 28 февраля 1918 года.

На рисунке 1 представлен пример первой полосы «Красной газеты» партии большевиков. Обращает на себя внимание лозунг «Да здравствует власть советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» и указание на партийную принадлежность издания определенному органу власти. Тут же эмоциональный лозунг об опасности – направленно соотносит материалы первой полосы с идеей наличия серьезного врага. Далее при выведении модели социальной действительности в представлении большевиков мы увидим подтверждение тому, что это не просто эмоциональный всплеск, а акцентируемый базовый конструкт модели.

«Земля и Воля» была центральным печатным органом левых эсеров – партии, игравшей ключевую роль в первые месяцы советской власти как союзник большевиков. После выступления левых эсеров в июле 1918 года газета была запрещена большевиками [см. об этом, например, Кузнецов 2006: 85].

Левые эсеры представляли главным образом интересы крестьянства, особенно его «средняцкой части», выступали за немедленное и полное решение земельного вопроса через социализацию земли (передачу ее в общенародное пользование без выкупа, но и без немедленной национализации), за демократию (против однопартийной диктатуры) и против Брестского мира [Спиридонова 2015].

Рисунок 2. Выпуск газеты «Земля и воля» партии эсеров за 17 мая 1917 года. Город Петроград.

Рисунок 3. Выпуск газеты «Земля и воля» партии эсеров за 12 марта 1917 года. Город Саратов.

Рисунок. 4. Выпуск газеты «Земля и воля» партии эсеров за 31 мая 1917 года. Город Москва.

На рисунках 2, 3 и 4 представлены примеры первой полосы газеты партии эсеров «Земля и воля», выпущенных, соответственно, в Петрограде, Саратове и Москве. Как очевидно, эсеры достаточно активно проводили агитационную работу среди населения. Центральный выпуск газеты отличается от Московского и провинциального и по форме, и по содержанию. Если в центральном издании она названа ‘ежедневной народной газетой’ – органом Петроградского областного комитета партии эсеров, то в Москве она называется ‘крестьянской газетой’ и декларируется как орган партии эсеров в целом. Наиболее лаконичным и наименее формальным выглядит Саратовское издание, лишенное официальных атрибутов. Этот факт представляет немалый интерес в контексте наших дальнейших рассуждений, поскольку он будет соответствовать выведенной содержательной структуре конструкторов *власть* и *народ*.

«Русские ведомости» были органом печати кадетской партии, Партии народной свободы. Эта одна из старейших и наиболее уважаемых либеральных газет дореволюционной России после февраля 1917 года стала выразителем позиции кадетов, которые перешли от попыток сотрудничества с умеренными социалистами во Временном правительстве к резкой оппозиции большевикам после октября. Кадеты отстаивали идею Учредительного собрания как единственного легитимного органа власти, идею правового государства, продолжения войны до победного конца в рамках Антанты (до Бреста), неприкосновенности частной собственности (особенно на землю, за выкуп). [см. об этом, например, Степанов 2000: 215].

Рисунок 5. Выпуск газеты «Русские ведомости» партии кадетов за 2 марта 1917 года.

Рисунок 6. Выпуск газеты «Русские ведомости» партии кадетов за декабрь 1917 года.

Рис. 7. Выпуск газеты «Русские ведомости» партии кадетов за март 1918 года.

На рисунках 5, 6 и 7 представлены первые полосы газеты партии кадетов «Русские ведомости». К 1917 году это была известная газета с солидным стажем и своими устоявшимися традициями. Не было никакой необходимости указывать на ее первой полосе, каким властным структурам или партиям она принадлежала. Заметно отсутствие направленности на самоутверждение и борьбу за массового читателя, как мы замечаем в материалах газет большевиков и эсеров.

Нами специально было подобрано 3 примера, которые, будучи расположены в хронологическом порядке, выстраиваются в интересную цепь с точки зрения содержания. Первый из представленных номеров датирован днем, наступившим вскоре после февральской революции. На первую полосу вне всякой конкуренции вынесены материалы, информирующие о падении монархии, называемой ‘старым строем’, речи представителей новой власти – во всем чувствуется приветственный тон материалов, однако вопрос о власти представлен достаточно нейтрально: скорее в информационном ключе. Далее при реконструкции содержательной структуры конструкта *власть* эта особенность кадетской модели действительности будет многократно подтверждаться.

Второй из приведенных примеров – это выпуск газеты, вышедший уже после октябрьского переворота. Исследователя может удивить повседневный характер помещенных на первую полосу материалов. В левой части листа «Русских ведомостей» традиционно помещался краткий обзор номера. При его рассмотрении мы не обнаруживаем ничего, связанного с теми конструктами, которые для эсеров, и особенно для большевиков переполняют газетные тексты: *власть, народ, враг*. Их отсутствие чрезвычайно показательно для понимания модели действительности в представлении кадетов. Для них жизнь идет своим чередом. И лишь в третьем из приведенных примеров – на рисунке 7 – мы видим, наконец, что на первый план ставятся события, связанные с *врагом*: война

занимает основное внимание издателей. События в России ставятся на второй план. И опять интересно отметить, что при построении модели действительности, предлагаемой кадетами, этот факт тоже найдет свое отражение, о чем будет сказано в соответствующем разделе исследования.

Таким образом, «Красная газета», «Земля и Воля» и «Русские ведомости» в иллюзорно схожей риторике предлагают принципиально различные подходы к осмыслению и конструированию социальной действительности в экстремальных условиях 1917–1920 годов.

Выведение модели, достоверно отражающей существенные для цели нашего исследования свойства оригинала, опирается на понимание хронологически (исторически) детерминированных особенностей оригинала и онтологической сущности его вербальной материализации – публицистического стиля.

156.2 Онтологическая сущность публицистического стиля

Для достижения цели исследования — реконструкции концептуальных моделей социальной действительности в периодической печати революционной эпохи — необходимо понимание самой природы материала исследования. Периодические издания, будь то «Красная газета», «Земля и воля» или «Русские ведомости», являются продуктом публицистического творчества и реализуются в рамках публицистического функционального стиля. Поэтому определение сущностных характеристик этого стиля, его функций и принципов организации является первостепенной теоретической задачей.

Публицистический стиль представляет собой исторически сложившуюся, социально осознанную функциональную разновидность литературного языка, которая обслуживает сферу общественных отношений: политических, экономических, культурных, социальных. Как самостоятельный стиль он начинает формироваться в XVIII веке с развитием печати и ростом

общественного самосознания, однако его расхождение с другими стилями и институционализация происходят на протяжении всего XIX–XX веков. В системе функциональных стилей русского языка публицистический стиль занимает особое место, находясь на пересечении задач научного, официально-делового и художественного стилей, но при этом обладая уникальной целевой направленностью.

Если публицистика понимается как род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества, то публицистический стиль — это языковой инструментарий, система отбора и организации языковых средств, обеспечивающая создание таких произведений. Иными словами, публицистика — это содержательно-жанровая категория, а публицистический стиль — категория лингвистическая. В современной науке публицистический дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, включающее, помимо текста, экстралингвистические факторы (ситуацию, цели, социальный контекст) и направленное на массового адресата.

Становление русской публицистики прошло несколько этапов. первый, «исторический» этап связан с формированием публицистики на пересечении литературного и делового языков, где конститутивными признаками стали выражение авторской позиции и оценка фактов. Второй этап, связанный с развитием функциональной стилистики в отечественной науке, привел к описанию системы функциональных стилей, в которой публицистический стиль был определен через систему жанров и такие особенности, как социальная оценочность, образ автора, идеологема.

Публицистический стиль функционирует в различных сферах коммуникации: в средствах массовой информации (пресса, радио, телевидение, интернет-издания), в политических выступлениях, в документальной публицистике (очерки, репортажи). Он реализуется как в письменной, так и в устной форме (ораторская речь, комментарий), что сближает его, с одной стороны, с книжными стилями, а с другой — с разговорной речью. Жанровая

система этого стиля отличается большим разнообразием и включает информационные заметки, репортажи, интервью, статьи, корреспонденции, очерки, фельетоны, обзрения, доклады, публичные выступления и дискуссии.

Однако для данного диссертационного исследования ключевым является понимание онтологической сущности публицистического стиля.

Изучение общественного сознания в его исторической динамике представляет сложную методологическую задачу. Лингвистические методы предлагают уникальный инструментарий для объективной оценки его значимых состояний, так как язык является не только средством коммуникации, но и важнейшим индикатором коллективного мышления, ценностных ориентаций и доминирующих дискурсов эпохи.

Функциональные стили находятся по отношению друг к другу в состоянии условного равновесия, которое в каждой отдельной исторической точке нарушается в направлении одного из стилей. Происходит экспансия того или иного функционального стиля в другие функциональные стили. Вектор нарушения этого равновесия позволяет оценить исторически значимое состояние общественного сознания [Валентинова 2016].

Эпоха русских революций — диктатура публицистического стиля. Исследуемые тексты, на основании которых выводятся концептуальные модели социальной действительности, относятся к публицистическому функциональному стилю, который общепризнанно совмещает две функции [Костомаров 1971] — *информационную функцию* и *функцию убеждения*.

Однако необходимо учитывать, что *информационная функция* публицистического стиля служит цели убеждения, поскольку принцип отбора фактов подчиняется общей цели, преследуемой автором в том или ином тексте. Одни факты отбираются и укрупняются, другие — замалчиваются. Именно поэтому, работая с публицистическими, тем более политическими, текстами, необходимо учитывать онтологическую сущность публицистического стиля.

Функциональная природа публицистического стиля традиционно описывается через эти две базовые функции, находящиеся в сложном диалектическом взаимодействии: информационную функцию и функцию воздействия (экспрессивную, или агитационно-пропагандистскую).

Информационная функция заключается в передаче массовому адресату сведений о наиболее значимых событиях в стране и мире. Эта функция требует от стиля таких качеств, как логичность, фактологичность, документированность, ясность и доступность изложения. Информация в публицистике должна быть актуальной и соответствовать интересам аудитории. Однако, в отличие от научного стиля, где информация самоценна, в публицистике она всегда служит основой для последующей оценки и интерпретации. В эпоху русских революций эта функция проявлялась в оперативном освещении событий на фронтах, заседаний политических органов, изменений в законодательстве, как это видно в материалах газетных изданий тех лет «Русские ведомости» или «Земля и воля».

Функция воздействия (экспрессивная, суггестивная) - доминирующая функция публицистического стиля, именно она определяет его специфику. Её цель — формирование у аудитории определенного мировоззрения, системы ценностей, убеждений и, в конечном счете, побуждение к конкретным действиям. Как подчеркивается в лингвистической литературе, генеральная цель публицистики — оказывать влияние на общественное мнение, убеждать читателя или слушателя в том, что предлагаемая интерпретация является единственно верной. Для достижения этой цели используется не только логическая аргументация, но и мощный эмоциональный призыв. Именно эта функция («brain-washing function», как ее иногда называют) является ведущей в исследуемых изданиях. Большевистская «Красная газета» мобилизует массы на борьбу с врагами, эсеровская «Земля и воля» призывает к единению вокруг Временного правительства, а кадетские «Русские ведомости» убеждают в необходимости правопорядка и продолжения войны. Эти факты подтверждают уже выдвинутое нами положение, что в публицистике информационная функция

подчинена функции убеждения, а принцип отбора фактов диктуется идеологической целью автора.

Помимо двух базовых функций исследователи выделяют и другие функции, такие, как популяризаторская (распространение знаний в доступной форме), организаторская (сплочение аудитории вокруг определенных идей), гедонистическая (развлечение) и кумулятивная (накопление и трансляция культурного и идеологического опыта). Для эпохи революций особенно значимой становится организаторская функция, поскольку пресса выступает не просто зеркалом событий, а непосредственным участником политического процесса, инструментом конструирования социальных групп и мобилизации их на борьбу.

Взаимодействие функций определяет языковой облик публицистики. Необходимость доставить информацию широким слоям населения требует точности и логичности синтаксиса. Необходимость воздействовать на массовое сознание — использования эмоционально-оценочной лексики, экспрессивных синтаксических конструкций (повторов, риторических вопросов, параллелизмов), метафор и других тропов, а также элементов разговорного синтаксиса для создания эффекта доверительного общения.

Языковая организация публицистического стиля подчиняется нескольким ведущим принципам, которые в совокупности создают его узнаваемый облик и обеспечивают реализацию двух его главных функций.

Основополагающим принципом является чередование экспрессии и стандарта, блестяще описанное В.Г. Костомаровым [Костомаров 1971]. Суть его заключается в том, что, с одной стороны, публицистика стремится к стандартизированным, легко воспроизводимым средствам выражения (клише, газетизмы, устойчивые обороты), которые обеспечивают быстроту и точность передачи информации. С другой стороны, ставя перед собой цель привлечь и удержать внимание читателя, оказать на него эмоциональное воздействие,

публицистика постоянно ищет свежие, экспрессивные средства, нарушающие привычный стандарт.

Этот принцип порождает ряд характерных черт публицистического стиля на разных языковых уровнях:

1. Социальная оценочность (идеологизированность). Это важнейшая черта, пронизывающая все уровни текста. Она проявляется в отборе фактов, в использовании лексики с яркой коннотацией, в создании образов «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». Язык публицистики не просто отражает действительность; он интерпретирует ее с определенных идеологических позиций. На материале исследуемых в диссертации текстов это проявляется в семантическом наполнении номинаций *народ*, *власть*, *враг*. Например, слово «народ» у большевиков — это классовая категория («трудовой народ»), а у кадетов — национально-государственная («все граждане»).

2. Сочетание логического и образного. Для убеждения адресата публицист использует как рациональные доводы (логика, факты, ссылки на авторитеты), так и эмоционально-образные средства и приемы (метафоры, сравнения, иронию). Это сочетание роднит публицистику, с одной стороны, с научной прозой (логичность аргументации), а с другой — с художественной литературой (образность, эмоциональность). Логический каркас текста (например, статья, в которой дается анализ политической ситуации) часто «облекается» в экспрессивную «языковую плоть». Так, в «Красной газете» рассуждения о политике перемежаются экспрессивными метафорами «хищный враг», «петля на шее революции».

3. Документализм и фактологичность. Публицистика апеллирует к факту, к реальному событию. Это создает эффект объективности и достоверности, усиливая доверие аудитории. Однако факт в публицистике — это всегда отправная точка для комментария, оценки и обобщения. Так, например, в исследуемых изданиях ссылки на действия Временного правительства, на

положение на фронтах, на решения Советов служат основой для формирования их политической оценки.

4. Доступность и массовость. Публицистический текст рассчитан на широкую, неоднородную аудиторию. Поэтому язык должен быть общепонятным, избегать узкоспециальной терминологии без пояснений. Это требование сближает публицистику с разговорной речью, особенно в жанрах, ориентированных на устное восприятие. Послереволюционный рост грамотности населения, отмеченный в исторической характеристике материала, делал эту черту особенно важной для всех политических сил, стремившихся расширить свою читательскую базу.

5. Лаконичность при смысловой емкости. Свойство произведений, написанных в публицистическом стиле, передавать объемные смыслы с использованием минимума знаковых средств особенно важно для газетных жанров, где объем текста ограничен, а информация и воздействие должны быть максимальными. В своей работе при помощи построения моделей, в основе которых лежат базовые конструкты, мы как раз и пытаемся показать, каким именно образом достигается подобный эффект.

Наброски М. М. Бахтина, названные по первой строчке "Риторика в меру своей лживости", дают концентрированную формулировку онтологической сущности публицистического стиля, тождественного — в понимании Бахтина — риторике: «Риторика, в меру своей лживости, стремится вызвать именно *страх* или *надежду* (выделено нами. — Г.Л.). Это принадлежит к существу риторического слова (эти аффекты подчеркивала и античная риторика)» [Бахтин 1997: 63].

Онтологическим, а значит, и функциональным антиподом публицистического стиля М.М. Бахтин видит искусство и познание: «Искусство (подлинное) и познание стремятся, напротив, освободить от этих чувств» [Там же].

Сущность публицистического стиля — в "бытии-для-другого", но не с позиции равноправного диалога, а для завоевания другого. Лживость публицистического стиля — его онтологическая сущность. Публицистический стиль превращает слово в инструмент власти.

Связанное с именем М.М. Бахтина выявление онтологической сущности публицистического стиля в светской науке соотносится с принятым в богословии противоположением риторического (публицистического) слова благодатному слову [см., например, Барсов 1995]. Риторика рассматривается как подчиненное воле человека искажение истины.

Онтологическая сущность публицистического стиля как причина его свойств отчетливо проявляется в характеристике публицистического стиля разными исследователями:

- *агностицизм/релятивизм*: публицистика фундаментально сомневается в возможности или необходимости передачи объективной истины для достижения своей главной цели – воздействия, ее бытие определяется не истинностью, а эффективностью, агитационностью, персуазивностью (убеждением) [Максименко 2018].

- *установка на борьбу за другого*: цель публицистического стиля – не информировать или рефлексировать, а воздействовать, побуждать, менять установки и поведение адресата или дискредитировать противника, борьба – неотъемлемое условие существования стиля [Волошинов 1993].

- *подчиненность сиюминутному контексту*: публицистический стиль реагирует на актуальное событие, требует немедленного действия или реакции аудитории, его истина – конъюнктурна, аргументы – ситуативны, это не стиль для вечности или глубинного понимания, а стиль для настоящего момента и конкретного адресата [Рикёр 1996].

- *двусубъектность*: публицистический текст всегда скрыто или явно адресован не только прямому читателю, но и оппоненту, которого он стремится опровергнуть; даже если оппонент не назван, его предполагаемое присутствие

структурирует аргументацию и лексику [Демьянков 2001]. Именно эта черта делает публицистику ареной для борьбы концептуальных моделей. Материал, анализируемый в диссертации, наглядно демонстрирует, какие средства используются в газетных статьях большевиками, эсерами и кадетами, которые полемизируют друг с другом, но при этом оппонент нигде не бывает назван прямо, а степень субъектности (активности) непосредственного адресата подвергается искусной градации. Эти приемы в лексическом плане реализуются через широкое использование общественно-политической лексики, сочетание книжной и разговорной лексики, обилие оценочных слов (как положительных, так и резко отрицательных), использование устойчивых словосочетаний и клише, эмоционально окрашенной лексики. А на синтаксическом уровне — через экспрессивный порядок слов, повторы, параллелизм конструкций, риторические фигуры, использование парцелляции и сегментированных конструкций.

156.3 Объяснительные возможности метода моделирования

Системология, которую Г.П. Мельников разрабатывал как системную методологию и на которую мы опираемся в своем исследовании, понимает метод как специализированный для определенных логических ситуаций *алгоритм* логических последовательных шагов, как схему связи и сопоставления знаний, которые содействуют эффективности получения конечных научных выводов, необходимых для достижения поставленной исследовательской цели [Мельников 2003: 160]. При такой трактовке метода понятие метода становится естественно тесно связанным с понятием *модели*. Возможность применения *моделирования* как *метода* свидетельствует о том, что научная дисциплина имеет уже многоярусную *систему методов*» [Мельников 2003: 149].

Модель предстает как своеобразный информационный трансформатор, который при идеальном использовании лишь перераспределяет эффективность

каналов «притока» информации: «он может только усиливать приток одних сведений за счёт ослабления потока других...» [Мельников 2003: 155–156].

Модель именно потому и способна более эффективно отразить *определённые* свойства оригинала, что *другие* его свойства, несущественные для заданной цели исследования, она не отражает. Таким образом, процесс моделирования Г.П. Мельников связывает с универсальными принципами сохранения, которые распространяет на информационные характеристики реальных объектов [Мельников 2003: 156].

«Чем глубже модель, т. е. чем больше ярусов оригинала она моделирует, тем ближе свойства модели к свойствам оригинала. Выбор глубины модели определяется конкретными условиями решаемой задачи» [Мельников 1967: 10].

В современной научной методологии к моделям предъявляются следующие требования:

- модель не должна быть сложнее оригинала;
- моделирование должно быть ощутимо наглядным методом познания;
- модель должна быть логически корректной, не содержащей противоречий;
- модель должна иметь по возможности универсальный характер для данного типа объектов;
- модель должна отражать наиболее существенные черты моделируемого объекта [см. Пиотровский 1988: 23–28].

Г.П. Мельников рассматривает понятие модели в аспекте задач системной типологии языков, а не в общепринятом узком, логико-математическом смысле. Понятие модели и проблемы лингвистического моделирования вписываются Г.П. Мельниковым в разрабатываемую им систему понятий методологии [Мельников 2003: 147].

Моделирование предполагает последовательное прохождение исследователем трех этапов: *пресимиляция, экспликация, интерпретация*.

- *этапа пресимиляции*, на котором осуществляется предподобление значимых для цели исследования (всегда не всех!) свойств объекта другому объекту с целью превращения этого объекта в модель другого;
- *этапа экспликации*, предполагающего выявление во время изучения модели таких ее свойств, которые не учитывались в процессе пресимиляции;
- *этапа интерпретации* – истолкования выявленных в ходе изучения модели свойств как свойств оригинала [Мельников 2003: 157].

При применении метода моделирования – на всех этапах моделирования – необходимо учитывать два типа соотношений: соотношение модели и оригинала и соотношение модели и отражения.

Соотношение модели и оригинала.

Г.П. Мельников выделяет следующие необходимые свойства модели, опираясь на ее соотношение с оригиналом:

- модель исходно независимо подобна оригиналу в определенных свойствах, то есть является автономным аналогом оригинала;
- модель исходно существенно отлична от оригинала, и потому
- она отражает определенные свойства замещенного объекта более эффективно, чем сам объект [Мельников 2003].

Соотношение модели и отражения.

Отражение — универсальная философская категория, следствие взаимодействия сущности объекта с заданными условиями [Мельников, 2003: 151]. Способностью отражать наделены и мертвые, и живые объекты, а человеческий разум есть лишь частное, хотя и высшее, проявление этой способности [Павлов 1949; Корнфорт 1956].

Между отражаемыми свойствами объекта и их отражением на внешней среде есть некоторая степень подобия, однако отражение не является моделью объекта, поскольку при отражении не происходит замещения одного объекта другим. Подобие между объектом и его отражением имеет один и тот же источник – сущность отражаемого объекта [Мельников 2003: 151–152].

Таким образом,

- *общее между моделью объекта и его отражением*: модель и отражение подобны оригиналу, но отражение зависимо подобно оригиналу, а модель – независимый, автономный аналог;
- *различное между моделью объекта и его отражением* – отражение не замещает оригинал, а является проявлением его сущности.

Применение метода моделирования в приложении к объектам исследования лингвистики и филологии дает существенные научные результаты. Один из наиболее интересных опытов моделирования представлен в исследованиях А.В. Загуменнова, разработавшего модель идеологизации языка и текста, релевантную для двух исторически отдаленных эпох – для эпохи церковного раскола второй половины XVII века и для периода, наступившего после октябрьской революции 1917 года.

Факт идеологизации действительности, предпринимаемый тем или иным заинтересованным кругом лиц, ученый устанавливал по пяти выявленным им параметрам: по привлечению специфических по семантике языковых средств; по поляризации оценки; по прецедентности текста, идеи и образа руководителя. При этом под идеологией, вслед за Г.П. Щедровицким, А.В. Загуменнов понимает «совокупность идей, которые задают горизонты жизни и рамки действий, отвечая на вопросы: что есть я? что есть для меня вы?» [Щедровицкий 2005: 28]. Принимая такое понимание идеологии, исследователь обращает внимание на то, что в нем имплицитно фиксируется противопоставление кого-то кому-то или чему-то, неизбежное в условиях конфликта. И церковный документ XVII столетия, и газетная статья начала XX века — это материальные оболочки для трансляции деформированных смыслов.

Использование моделирования позволило ученому доказать типологическое сходство кажущихся несопоставимыми объектов (церковного и

светских текстов ¹) — и продемонстрировать изоморфный характер семиотических моделей двух столь разнородных событий на основе выявления идеологически маркированных языковых единиц: «И сторонники реформ-революции, и их противники оперировали лексико-синтаксическими единицами, служившими наименованием новых явлений в жизни после переломного события. Каждой из сторон конфликта была характерна поляризация оценки по модели «Свой / Чужой». И сторонники реформ-революции, и их оппоненты использовали прецедентные феномены в виде библейских образов, текстов. Победившая в полемике «партия», будь то XVII век или XX столетие, идентично позиционировала своего лидера, приписывала ему сакральное орудие, старалась придать ему особые личностные качества. Из всех перечисленных наблюдений следует, что с течением времени идеологизация теряет связь с исходным фактом; факт, будучи многократно повторенным, деформированным и превращенным в самостоятельно и независимо от источника существующее смысловое сгущение, образует миф — о глупых и непокорных старообрядцах, о прекрасном правителе государства, об опасных противниках действующей власти. Отличаются эти семиотические образования от таковых в древности тем, что они получены в результате исчерпанности функциональных возможностей знаковой системы культуры» [Загуменнов 2022: 810].

Наше исследование, в отличие от исследования А.В. Загуменнова, сосредоточено на одном историческом периоде и на текстах, которые, напротив, воспринимаются как схожие, но содержат в себе сущностные смысловые различия, подлежащие выведению. Нас, как исследователей, интересует вопрос: каким образом создается эта разность при кажущемся внешнем сходстве используемых языковых и конструктивных средств?

¹ «Деяний Московского Собора» 1666–1667 гг. и публикаций газетных изданий партии большевиков («Красной газеты», «Красного Севера», «Звезды Вытегры») за 1920 г.

Мы выявили три опорные элементарные структуры, лежащие в основе моделей трех различных виртуальных картин социальной действительности эпохи русских революций.

Таким образом, выводимые нами на основе печатных изданий политических противников модели социальной действительности опираются на соотнесение содержательных структур трех базовых субъектов общественной жизни в период исторических потрясений: *власти, народа и врага*, – которые представляют собой конструкторы (элементарные структуры) моделей. Комбинации соотношений между конструкторами, равно как и комбинации соотношений между элементами каждого из конструкторов, проявляют сущностные свойства каждой модели. Таким образом, в нашем исследовании концептуальные модели социальной действительности будут одновременно структурными.

Концептуальная модель всегда будет идеальной (не материальной), потому что «представления о тех или иных сторонах *сущности* изучаемого объекта, а также о способах *логического* выведения знаний о нем складываются лишь в психике исследователя как форма *мыслительного* содержания, как *идеальные, отраженные образования*» [Мельников 2003: 176].

Идеальные же модели могут быть внешне представлены только при помощи знаков: символов, диаграмм, словесного описания. Таким образом, идеальные модели являются *знаковыми моделями* по технике своего «изготовления» [Мельников 2003: 168, 176].

В нашем исследовании модели социальной действительности знаковые, описательные.

Описательная модель представляет собой текст на естественном языке. Достоинства и недостатки знаковых описательных моделей вытекают из универсальности естественного языка, то есть способности выражать любое содержание.

Естественный язык может выразить любое содержание и поэтому может служить средством построения любых идеальных знаковых моделей.

Одновременно именно язык является объективной причиной невозможности тождественного понимания текстовых моделей: «...знаки естественного языка через свои значения и узуальные смыслы не столько *выражают* определенное актуальное содержание, сколько лишь *намекают* на него, требуя от слушающего или читающего творческой активности, чтобы по этим намекам он угадал актуальный замысел говорящего или пишущего» [Мельников 2003: 176–177].

Описание только в том случае становится *моделью* изучаемого объекта, когда сами знаки описания или закрепленные за ними значения, через которые автор указывает на свой замысел, становятся непосредственным объектом рассмотрения и их свойства начинают изучаться для проникновения в их природу и только в ходе дальнейшего рассуждения полученные сведения о знаках и их значениях начнут использоваться как сведения об описываемом объекте [Мельников 2003: 174–175].

Поскольку оптимальными методами исследования являются такие способы логического вывода новых знаний об объекте, которые опираются на уже установленные и проверенные знания, мы учитываем основные свойства публицистического стиля и его онтологическую сущность.

Выводы по главе 1

Обсуждение исключительности хронологически строго ограниченного исторического контекста и исторических характеристик исследуемого материала (периодической политической печати) свидетельствует об объективно predetermined нацеленности изданий противоборствующих (а не просто конкурирующих!) политических сил на моделирование социальной действительности. Это обстоятельство обосновывает исторически детерминированную объективность выбора метода моделирования в качестве основного метода исследования.

Уточнение онтологической сущности публицистического стиля (*лжи как осознанному, прагматически выгодному замещению достоверности*) как формы материализации концептуальных моделей социальной действительности в периодической печати обосновывает имманентную объективность применения моделирования в исследовании публицистических политических текстов, как метода, соответствующего сущности изучаемого объекта, которая, однако, может проявляться в большей или меньшей степени.

Предварительная мысленная экстраполяция метода моделирования на исследование политических публицистических текстов периода предельной исторической неопределенности позволила:

- установить, что концептуальная модель социальной действительности, практическому выведению которой посвящена вторая глава, не может не быть одновременно ее структурной моделью;
- определить основные конструкторы концептуальной модели, которые представляют собой ее элементарные структуры, что, в свою очередь, дало возможность
- спрогнозировать необходимость выявления содержательной структуры каждого конструктора.

Таким образом, было не только заложено основание для реализации этапа пресимиляции, но и начат этот этап моделирования.

ГЛАВА 2
СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА
КОНСТРУКТОВ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
НАРОД, ВЛАСТЬ И ВРАГ

в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов

2.1 Содержательная структура конструкта *народ*
в печати политических противников

Содержательная структура конструкта *народ* – одной из трех базовых элементарных структур моделей социальной действительности, формируемых в печати большевиков, эсеров и кадетов, выводится в результате:

- анализа семантики атрибутов, используемых с номинацией, обозначающей этот конструкт;
- выявления в ходе контекстуального анализа номинации объема ее денотативного значения;
- установления контекстуальных синонимов и анализа их семантики;
- определения степени субъектности/бессубъектности номинации на основании анализа ее синтаксической роли (агенса или пациенса) и семантики глаголов-сказуемых, связанных с номинацией координацией или управлением.

2.1.1 Сравнительная субмодель атрибутов номинации *народ*

Установление содержательной структуры конструкта *народ* опирается на семантический анализ атрибутов, используемых с номинацией, обозначающей этот конструкт.

Атрибутами номинации *народ*, общими для большевистского издания «Красная газета» и издания партии эсеров «Земля и воля», выступают характеристики *трудовой, рабочий: трудовой народ, рабочий народ*.

Общий семантический компонент этих атрибутов – ‘*который трудится, который работает*’ – отвечает характеристике того социального слоя, на который опирались обе политические силы. Это люди физического труда: для большевиков – в первую очередь рабочие, для эсеров – крестьяне:

- *От души желаю, чтобы в Новый наступающий год вполне **развернулись силы рабочего народа и крестьянства**, чтобы таким же темпом, как в минувший год, шло изживание мелкого мещанского, буржуазного мировоззрения, чтобы к концу настоящего года **каждый рабочий и крестьянин** мог сказать, что его хозяйство и есть работа всего народа* («1918-1919-1920» Красная газета от 01.01.1920).

- *... эта борьба сейчас заканчивается. И заканчивается полной победой **трудового народа** над всеми его врагами* («Усиливайте Красную Армию» Красная газета от 20.04.1918).

- *Не верьте же никаким провокационным слухам, сообщаемым слугами контрреволюции и врагами **трудового народа*** («Не верьте провокационным слухам» Красная газета от 01.03 1918)!

- *Понимаете ли вы, как зверски-жестoko, беспощадно стала бы расправляться с **трудовым народом** буржуазия, если бы она хоть на время победила* («Тысяча пятьсот» Красная газета от 08.02.1918)?

- *Крепите свободу! Стройте! Объединяйтесь! Помните- работа впереди, и немалая. Царский гнет к работе помехой быть. Теперь только и развернуть силы в борьбе за землю и волю **трудовому народу*** («Красные дни» Земля и воля от 21.03.1917).

- *Для того, чтобы преобразование хозяйственной жизни пошло в интересах **трудовых масс**, необходимо, чтобы в подготовке этих преобразований приняли деятельное участие социалисты, как выразители классовых интересов **рабочего народа*** («Революция и творчество» Земля и воля от 19.03.1917).

- Без этого закона **трудовой народ** будет лишен и тех прав на жизнь, какими сейчас пользуются все остальные граждане («О воле и земле» Земля и воля от 21.03.1917).

Значимо, что в издании кадетов «Русские ведомости» атрибуты номинации *народ – трудовой, рабочий* – отсутствуют: партия кадетов опиралась на все слои русского общества:

- *Перед генерал-губернаторским домом собралась большая толпа народа. Керенский вышел на балкон и произнес небольшую речь, в которой выразил уверенность, что каждый гражданин до конца выполнит свой долг, основанный на правде, праве и справедливости. Свою речь А. Ф. Керенский закончил возгласом: «Да здравствует русская революция!». Публика приветствовала министра дружными кликами («Русские ведомости» от 27.05.1917).*

- *С громадным воодушевлением министр призывал войска к единению и к дисциплине во исполнение воли огромного большинства свободного народа, в решительных выражениях осуждал братание с немцами и агитацию в пользу сепаратного мира («Русские ведомости» от 27.05.1917).*

Вне идеи сопоставления эта свободная валентность в модели социальной действительности кадетов осталась бы не выявленной.

В «Русских ведомостях» отмечается сочетание номинации *народ* с другими номинациями со значением множественности (*толпа, большинство*), которое усиливается характеристиками *большая, огромное*. Однако в этих примерах речь идет не о социальной слое населения, занимающегося физическим трудом, а о большом скоплении людей и о части, *большинстве, свободного народа* – ‘всех слоев русского общества вне социальной дифференциации’.

Общим семантическим компонентом атрибутов номинации *народ* в публикациях эсеров и кадетов выступает ‘свобода’, однако с существенным различием. У эсеров используется форма страдательного причастия *освобожденный*. *Освобожденный народ* выступает в роли *пациенса*: он был

освобожден кем-то. В издании же кадетов используется прилагательное *свободный*:

- *Освобожденному народу необходимо употреблять чрезвычайные усилия для того, чтобы сколько-нибудь залечить раны, нанесенные хозяйству старым порядком* («Революция и творчество» Земля и воля от 19.03.1917).

- *С громадным воодушевлением министр призывал войска к единению и к дисциплине во исполнение воли огромного большинства **свободного народа**, в решительных выражениях осуждал братание с немцами и агитацию в пользу сепаратного мира* («Внутренние известия» Русские ведомости 27.05.1917).

Понимание *народа* в издании эсеров как некоторой бессубъектной общности, претерпевающей на себе действие со стороны некоторого агенса, поддерживается конструктивным и лексическим решением всего высказывания: *освобожденному народу необходимо...*

В издании кадетов *воля народа* определяется как источник и причина действий исполнительной власти: *министр призывал... во исполнение воли... свободного народа...*

В публикациях «Красной газеты» партии компонент ‘свободный’ в содержательной структуре конструкта *народ* не обнаруживается, однако присутствует компонент, связанный с социальным протестом, борьбой (*восставший народ*), правда, по отношению к народу Австрии.

В издании партии кадетов элемент борьбы представлен атрибутом *революционный*. Однако в данном случае оппозиция *восставший – революционный* не носит оценочного характера, а отражает объективное положение дел в Австрии и России:

- *В Австрии восставший народ вырвал у своих угнетателей обещание пойти на честный демократический мир* («Красная газета» от 03.02.1918).
- *«Принимая во внимание, что декларация коалиционного правительства в полной мере отражает платформу петроградского совета рабочих депутатов, являющегося выразителем воли рабочих классов, армии и всего*

революционного народа, что товарищи-социалисты, вступившие в кабинет, объявили себя ответственным пред советом рабочих депутатов и обязались немедленно вступить в переговоры с союзниками об изменении договоров в направлении, желательном для революционной демократии, съезд выражает полное доверие коалиционному правительству и обещает решительную поддержку» («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).

В публикациях «Красной газеты» с номинацией *народ* используются атрибуты *беззащитный* и *темный*. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (далее – Словарь Д.Н. Ушакова) отмечаются следующие значения слова *тёмный*: (перен.) ‘печальный, задумчивый, мрачный, хмурый’, которые поддерживают представление о народе как о *пациенте* – его *убивают, его подбивают*.

- *Трусливая подлая власть намеренно убивает беззащитный народ в белых рубахах с мозолистыми руками.* («Тысяча пятьсот» Красная газета от 08.02.1918)

- *Черное и белое духовенство, попы да монахи подбивают темный народ подняться подходом на советскую власть за отделение от государства («Из-за чего хлопчут монахи» Красная газета от 07.02 1918).*

В издании эсеров «Земля и воля» номинация *народ* часто употребляется с атрибутом *организованный*, народ как социальная сила характеризуется как ‘обладающая волей’:

- *Временное Правительство выполняет волю организованного народа* («Существуют ли Советы Депутатов» Земля и воля от 02.08 1917).

- *Организованный трудовой народ сможет справиться с разрухой и защитит страну* («Министры в опасности» Земля и воля от 27.07.1917).

Атрибут *организованный* создает предпосылки к повышению степени субъектности номинации *народ*, которая поддерживается и другими сочетаниями: *воля народа, народ сможет справиться и защитит*.

Для партии эсеров характерно использование в качестве атрибута номинации *народ* положительно окрашенного эпитета *великий*, который не был выявлен в публикациях этого же времени двух других исследуемых политических сил:

*Правительство не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями для достойной чести **великого народа** завершения борьбы, от исхода которой зависит будущее России («Воззвание к населению» Земля и воля от 27.07.1917).*

Атрибут *русский* в сочетании с номинацией *народ* используется в публикациях эсеров и кадетов (*русский народ, русские граждане*) и отсутствует в публикациях большевиков:

- *Свобода, спаянная национальным единством и воодушевлением, не может быть побеждена. **Русский народ** пронесет ее сквозь кровь и страдания к светлому будущему, создаст на благо всему человечеству новую, свободную, великую Россию («Воззвание к населению» Земля и воля от 27.07.1917).*

- *Я объехал большую часть фронта и скажу вам, что от самой страны, от ее самодеятельности, от ее напряжения, любви и преданности делу организации армии будет зависеть будущее русского государства, так как от вашей деятельности будет зависеть будущее русского государства, так как от вашей деятельности будет зависеть, найдут ли в себе до конца наши братья, **русские граждане**, силу выдерживать испытания, несмотря на всю тяжесть условий, которые их окружают («На продовольственном съезде» Русские ведомости от 27.05.1917).*

Анализ семантики атрибутов номинации *народ* в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов позволил выявить концептуальные различия в содержательной структуре обозначаемого этой номинацией конструкта *народ* в моделях социальной действительности разных политических сил.

Издание партии кадетов «Русские ведомости» акцентирует в содержательной структуре конструкта *народ* компоненты ‘революционной борьбы’ (*революционный народ*) и ‘свободы’ (*свободный народ*).

Зоны смысловой тождественности и разности в употреблении атрибутов с номинацией *народ* в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов можно представить в виде схемы:

Схема 1: Сравнительная субмодель атрибутов номинации *народ*
в печати политических противников

Однако эта схема не отражает приоритетной направленности большевиков на рабочий класс, а эсеров – на крестьян. Кроме того, в схеме ослабляется противопоставление форм *освобожденный* – *свободный*, которое приобретает существенное значение в оценке степени субъектности/бессубъектности конструкта *народ* в концептуальных моделях социальной действительности разных политических сил.

Выведенная сравнительная субмодель позволяет обнаружить, что в концептуальной модели социальной действительности большевиков в содержательной структуре конструкта *народ* актуализируется компонент ‘рабочие’, у эсеров – ‘крестьяне’, у кадетов – ‘все слои общества’.

Конструкт *народ* в моделях социальной действительности политических противников обнаруживает концептуальные различия, выражаемые в асимметрии денотативных, качественных и оценочных характеристик обозначающей этот конструкт номинации.

2.1.2. Сравнительная субмодель денотативного значения номинации *народ*

Чтобы уточнить денотативное значение номинации *народ* (т.е. социальные слои и политические силы, которые подразумеваются под этой номинацией), необходимо установить контекстуальные оппозиции, которые включают в себя эту номинацию.

В большевистском издании «Красная газета» формируется устойчивая антонимическая оппозиция *народ* ↔ *ненарод*, в которой под *ненародом* подразумевается буржуазия и духовенство: *народ* ↔ *буржуа/буржуазия*, *народ* ↔ *духовенство/попы да монахи*.

В этих контекстах *буржуазия* предстает как активная сила, которая *грабила народ*; *совершала преступления*, которые привели к обнищанию страны; готова *беспощадно расправляться с народом*, а *народ* – как пациент, над которым совершают насилие: его грабят, доводят до обнищания, с ним беспощадно расправляются:

- *Буржуа хотят забыть то, как грабили народ. Они виноваты во всех самых тяжелых последствиях, которые обрушились на Россию, довели страну до обнищания. Чтобы этого не повторилось, народ и рабочие не должны*

забывать *этих преступлений* («Кто старое забудет, тому оба глаза вон» Красная газета от 24.03.1918).

• Понимаете ли вы, как **зверски-жестоко, беспощадно стала бы расправляться с трудовым народом буржуазия**, если бы она хоть на время победила («Тысяча пятьсот» Красная газета от 08.02.1918)?

Любопытно, что *рабочие*, связываясь с номинацией *народ* сочинительным союзом *и* (*народ и рабочие*), выделяются как отдельная сила. Формальная позиция субъекта (*народ и рабочие не должны забывать*) не поддерживается семантикой сказуемого (*не должны забывать*), выражающего не активное действие *народа и рабочих*, а внешний призыв к ним (*не должны*) поддерживать в себе определенное психическое состояние (*помнить*) через отрицание противоположного (*не забывать*).

Таким образом, значимым для содержательной структуры конструкта *народ* в модели социальной действительности большевиков, становится тот факт, что обозначающая этот конструкт номинация, как правило, не употребляется в контекстах «Красной газеты» как источник самостоятельного действия или поступка.

Контекст не позволяет точно установить характер логического соотношения *народа* и *рабочих*, отношения включенности между этими социальными силами группами в тексте не выражены.

Одновременно, номинации *народ* и *рабочие* в этом же контексте обозначают социальные группы, связанные между собой союзническими отношениями (их призывают к совместному действию: *не должны забывать этих преступлений*) и противопоставленные *буржуа*.

Общим семантическим компонентом членов оппозиции *народ – рабочие*, по данным Русского семантического словаря, является ‘принадлежность к низшим, непривилегированным слоям общества’ [Русский семантический словарь т.1 2002] с той разницей, что *народ* выступает как собирательное имя

всего класса таких лиц, а номинация *рабочие* называет отдельную группу этого класса.

В следующем примере номинация *народ* снова предстает как пациенс, над которым совершает психическое насилие духовенство: (*разг.*) *подбивает*, то есть ‘побуждает, обычно неявно, сделать что-то, обычно вредное или опасное’. Словарь русского языка в 4-х томах раскрывает неудачно, на наш взгляд, значение глагола *подбивать*: ‘уговорить сделать что-то, подстрекнуть к чему-то’ [Словарь русского языка в 4-х томах Т.3 1998: 174], умаляя (‘уговорить сделать что-то’) отрицательное значение этого действия:

Черное и белое духовенство, попы да монахи подбивают темный народ подняться походом на советскую власть за отделение от государства. («Из-за чего хлопочут монахи» Красная газета от 07.02.1918)

Для противопоставленных номинаций (*народ* ↔ *буржуа/буржуазия*, *народ* ↔ *духовенство/попы да монахи*) не существует взаимозаменяемых контекстов, где они могли бы заменить друг друга, что указывает на то, что номинации *народ* ↔ *буржуазия*, *народ* ↔ *духовенство* образуют контрарные оппозиции.. Противопоставление народа буржуазии и духовенству приводит к формированию оппозиции более высокого уровня рефлексии *народ* ↔ *не-народ*. Сущности *буржуазия* и *духовенство* противопоставлены *народу* как субъекты агрессивного воздействия, объектом которого является последний (*грабить народ*, *расправляться с народом*, *подбивать народ*).

Таким образом, мы должны признать дифференцирующим признаком *народа* в его сопоставлении с *буржуазией* и *духовенством* сниженную субъектность, значимую для содержательной структуры конструкта *народ* в модели социальной действительности большевиков.

В «Красной газете» исследуемого отрезка времени *народ* может выступать как инициатор действий, но насильственных а не созидательных: *народ вырвал обещание у своих угнетателей*, то есть ‘заставил обещать’:

Восставший народ вырвал у своих угнетателей обещание пойти на честный демократический мир («Красная газета» от 03.02 1918).

Однако и в этом примере контекстуальное противопоставление *народ ↔ угнетатели* выявляет значение ‘подчинение, притеснение’, которое характеризует *народ* как ‘совокупность лиц, находящихся в подчиненном положении’, в то время как противоположный член оппозиции (*угнетатели*) определяется как ‘источник притеснения, давления, лишения свободы’ [Русский семантический словарь 2002: 68].

В контекстах «Красной газеты» актуализируется еще одна контрарная оппозиция с номинацией *народ*: *народ ↔ власть*, где *власть* – ‘лица, облеченные правительственными, административными полномочиями’):

Трусливая подлая власть[белогвардейцы] *намеренно убивает беззащитный народ* в белых рубахах с мозолистыми руками («Тысяча пятьсот» Красная газета от 08.02.1918).

Члены оппозиции *народ ↔ власть* выполняют функции агенса (*власть*) и пациенса (*народ*).

Но когда в «Красной газете» речь идет о власти большевиков, то номинации *народ* и *власть* уже не образуют контрарной оппозиции:

- *И народ правды не боится, а наоборот, еще больше верит той власти, которая его не обманывает* («Самокритика» Красная газета от 18.04.1918).

- *А мы люди живые. Наша власть – власть живая, крепкая, устойчивая, твердо поддерживаемая трудовым народом* («Самокритика» Красная газета от 18.04.1918).

Для понимания формируемой в контекстах большевистского издания концептуальной модели социальной действительности значимо то, что *власть* большевиков так же, как и *власть* других политических сил, не входит в денотативное значение номинации *народ*.

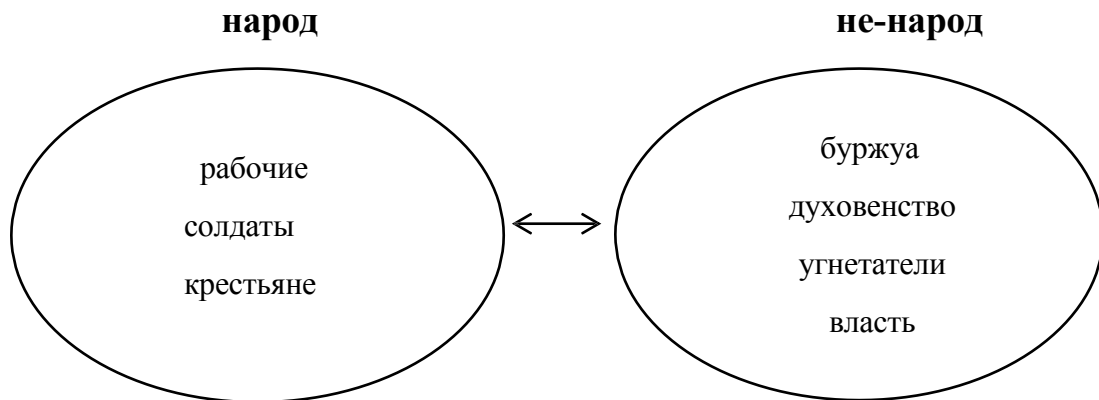

Схема 2. Денотативное значение номинации *народ* в периодических изданиях
большевиков

В периодической печати эсеров («Земля и воля») номинация *народ* (*трудовой народ*) обнаруживает отличное от печати большевиков денотативное значение: ‘граждане, которые, не имея права на земельную собственность, тем самым становятся лишены и других прав на жизнь, которые есть у остальных граждан’:

Без этого закона [право собственности на землю] трудовой народ будет лишен и тех прав на жизнь, какими сейчас пользуются все остальные граждане («О воле и земле» Земля и воля от 21.03.1917).

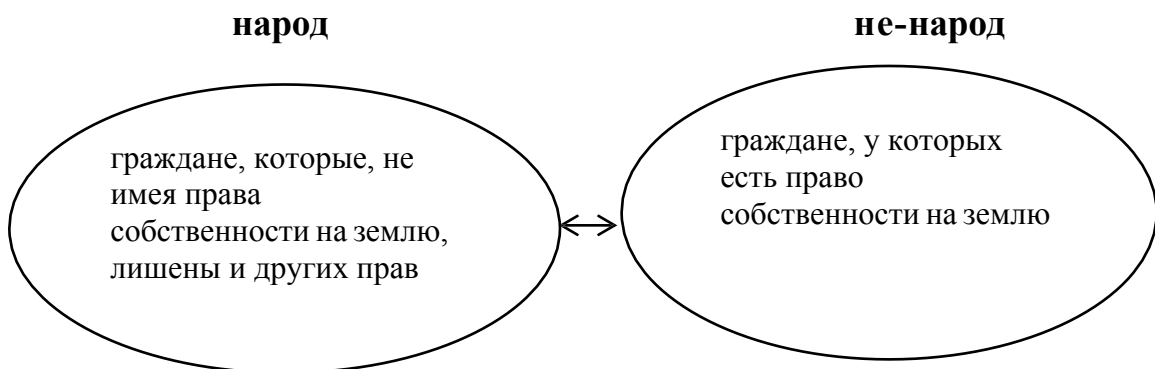

Схема 3. Денотативное значение номинации *народ* в периодических изданиях
эсеров

Наконец, в контекстах издания кадетов «Русские ведомости» присутствует идея субординации: *воля всего народа выше воли власти и воли отдельного человека*:

«Товарищи, — сказал он [А.Ф. Керенский], — я знаю правду жизни России, знаю, что нужно России, и с сознанием своего права на власть говорю правду. Эта власть мне дана не по капризу отдельных личностей, а волею всего народа против моей воли» («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).

В издании кадетов в содержательной структуре конструкта *народ* отсутствует классовая составляющая. Ей в противоположность формируются смыслы ‘совокупность большого множества отдельных личностей, объединенных общей волей’ и ‘субъект международной политики, противопоставленный внешним врагам (реакционной Германии, прусскому милитаризму)’.

- *Перед генерал-губернаторским домом собралась большая толпа народа. Керенский вышел на балкон и произнес небольшую речь, в которой выразил уверенность, что **каждый гражданин** до конца выполнит свой долг, основанный на правде, правде и справедливости. Свою речь А. Ф. Керенский закончил возгласом: «Да здравствует русская революция!». Публика приветствовала министра дружными кликами* («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).

- *С громадным воодушевлением министр призывал войска к единению и к дисциплине во исполнение воли **огромного большинства** свободного народа, в решительных выражениях осуждал братание с немцами и агитацию в пользу сепаратного мира* («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).

Только в издании кадетов используется множественное число номинации *народ* в контексте международной политики:

- *Министр спрашивает любителей говорить о **самоопределении народов**: «Кто захватил чужую землю, — союзники или немцы? Бетман-Гольвег сказал, что для Германии лозунг «без аннексий и контрибуций» не приемлем. Что же, — любители **самоопределения народов** приближают этот лозунг («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917)?*

- *... верная идеалу **свободы всех народов**, Франция будет продолжать войну, пока не будут возвращены Эльзас-Лотарингия, совершенные преступления не получают возмездия, убытки будут возмещены и не будут даны гарантии невозможности новых попыток наступления со стороны прусского милитаризма («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).*

Таким образом, в содержательную структуру конструкта *народ* в модели социальной действительности кадетов входит смысл ‘все слои российского общества’. Противопоставление *народ* ↔ *не-народ* отсутствует.

Схема 4. Денотативное значение номинации *народ* в периодических изданиях кадетов

Теперь можно вывести сравнительную субмодель денотативного значения номинации *власть*:

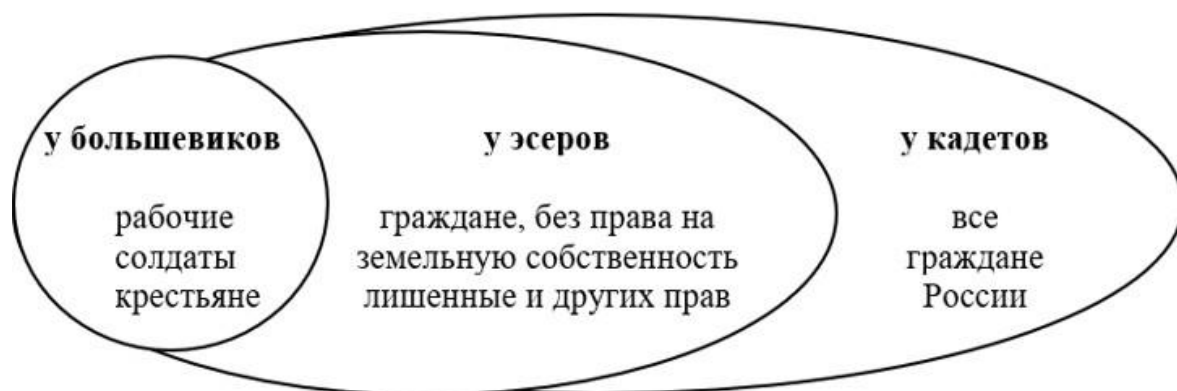

Схема 5. Сравнительная субмодель денотативного значения номинации *народ* в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов

Таким образом, мы ясно видим, что денотативное значение номинации *народ* – разное в периодических изданиях разных политических сил: большевиков, эсеров и кадетов. Наиболее социально ограниченное денотативное значение номинации *народ* наблюдается у большевиков; социально не ограниченное – у кадетов: *народ* – ‘все граждане России’.

Только в прессе большевиков денотативное значение номинации *народ* проясняется через контрарные оппозиции *народ* ↔ *не-народ*.

Мы повторно убедились, что построение сравнительной модели соответствует этапу экспликации в применении метода моделирования, поскольку позволяет выявить значимые для дальнейшей интерпретации модели ее существенные свойства, не обнаруженные на этапе пресимиляции.

2.1.3. Сравнительная субмодель контекстуальных синонимов номинации *народ*

Для прояснения степени субъектности/бессубъектности номинации *народ* необходимо установить семантику ее контекстуальных синонимов.

«Красная газета».

В публикациях «Красной газеты» обнаруживаются следующие контекстуальные синонимы номинации *народ*:

■ *массы*

Пусть он попробует выбить из сознания масс лозунг: «Вся власть советам» (Красная газета от 15.01.1920).

■ *рабочие массы*

Политехникумы должны дать рабочим массам опытных руководителей в той бескровной борьбе за экономическое возрождение родины, которая предстоит после окончания гражданской войны («Политехникумы» Красная газета от 15.01.1920).

Рабочие и рабочие массы связаны между собой отношениями тождества и сопоставлены с крестьянами (*рабочие и крестьяне, рабоче-крестьянская сила*).

■ *широкие массы рабочих / широкие рабочие массы*

● *Уже более года длится эта борьба, и, несмотря ни на какие репрессии и расстрелы, наш русский лозунг: «Вся власть советам!» все более усваивается широкими массами немецких рабочих* («Капиталистическая Европа на вулкане» Красная газета от 15.01.1920).

● *Проект этот является началом осуществления новой грандиозной программы в области насаждения специального образования среди широких рабочих масс* («Рабочие политехникумы» Красная газета от 15.01.1920).

Изменение позиции атрибута *рабочие* (*рабочие массы – массы рабочих*) представляется в этих контекстах не значимым, поскольку оба варианта сочетаются с характеристикой *широкие*, сообщающей номинации *массы* бóльшую степень субъектности.

■ *рабочее население*

Рабочее население Петрограда, бросив мирные занятия, взялось за оружие и готово грудью защищать столицу от неприятельского вторжения («Население Петрограда» Красная газета от 02.03.1918).

■ *рабочее и крестьянское население*

Сегодня все рабочее и крестьянское население Петрограда услышит, как нужна нам эта армия. И услышанное понесет в самую гущу трудовых масс столицы («Население Петрограда» Красная газета от 02.03.1918).

В отличие от номинации *рабочие массы*, обозначающей народ как объект агрессивного физического или психологического воздействия, номинация *население* выполняет семантическую роль агенса, инициирующего действие или готового действовать (*население взялось за оружие, готово защищать, понесет услышанное*).

Оппозиция *рабочее (и крестьянское) население – трудовые массы* выражает разные степени субъектности.

Номинация *рабочие и крестьяне* сочетается с лексическими единицами, обладающими семантикой активной деятельности (*героическая борьба, нанести удар, произвести творческую работу, развернулись силы, рабоче-крестьянская сила вырвалась наружу*).

■ *кучи народа (темные народные массы)*

В очередях, в трамваях, всюду и везде, где собираются кучи народа, шныряют эти предатели и смущают дикими, нелепыми слухами темные народные массы («Не верьте провокационным слухам» Красная газета от 01.30.1918).

Рабочие, солдаты, крестьяне, работницы, прислуги покрываются номинацией *темные, народные массы*:

Темные, народные массы жадно и с тревогой внимают этим слухам. Мы раз навсегда заявляем всем рабочим, солдатам, крестьянам, работницам, прислугам: «Не верьте этим вздорным, предательским слухам» («Не верьте провокационным слухам» Красная газета от 01.30.1918).

Примечательно, что в рассматриваемом контексте оппозиция *рабочие – темные народные массы* носит привативный характер, реализуя отношения включенности, хотя в других, рассмотренных ранее, контекстах номинации

народ и рабочие (народ и рабочие не должны забывать) реализовывались как два близких, но не совпадающих множества (и не включенных одно в другое).

Семантическое сближение номинаций *народ, рабочие массы, массы* проявляется в их сочетаемости, раскрывающей общий компонент ‘объект насильственных действий’: *власть убивает народ, Носке расстреливает рабочие массы, выбить лозунг из сознания масс.*

■ ***бедный трудовой люд***

А сколько десятков или сотен миллионов собирали они с бедного трудового люда в виде платы за различного рода требы («Из-за чего хлопочут монахи» Красная газета №11 от 07.02 1918).

Собирательное наименование *люд* в словаре Д.Н. Ушакова приводится с пометой «разговорное» и определяется как ‘люди, группа людей, объединенных общностью условий (социальных, профессиональных, территориальных и т. п.)’.

В словаре опускается сема предельного обезличивания людей в этой номинации, так отчетливо проявляющаяся в «Красной газете». Контекст формирует значение *люда* как ‘объекта воздействия’ со стороны духовенства, в данном случае экономического характера.

На шкале степени субъектности/бессубъектности контекстуальных синонимов номинации *народ* к предельной степени бессубъектности устремляются номинации *массы, темные народные массы, бедный трудовой люд*. На противоположном полюсе шкалы находится номинация *население*, обладающая меньшей степенью бессубъектности, но все равно ею маркированная.

Схема 6. Шкала степени субъектности / бессубъектности
контекстуальных синонимов номинации *народ* в модели социальной
действительности большевиков

«Земля и воля».

В публикациях «Земли и воли» обнаруживаются следующие контекстуальные синонимы номинации *народ*:

■ **население**

В первую очередь необходимо наладить продовольствие страны. Это необходимо не только для благополучия населения, это необходимо и для закрепления завоеваний революции («Революция и творчество» Земля и воля от 19.03.1917).

■ **неимущее население**

Представьте, что вся наша земля находится в собственности десятков тысяч челов., а остальные сто мил. не имеют этого права. Разве при этих условиях право на свободу не пустые слова для ста мил. неимущего населения!? («О воле и земле» Земля и воля от 21.03.1917)

В этих контекстах *население* в публикациях предстает как ‘объект заботы’ в связи с его бедственным положением (*наладить продовольствие, благополучие населения, неимущее население*).

■ **сельское население**

Для этого мы призываем все сельское население приступить немедленно к выборам сельских и волостных советов и новых, свободно выбранных народом,

сельских старост и волостных старшин («Что делать в деревне?» Земля и воля от 21.03.1917).

В этом контексте *население* предстает адресатом, которого призывают к политическим действиям. Одна из статей А. Ф. Керенского назвалась «*Воззвание к населению*» («Земля и воля» от 21.03.1917).

Номинация *население* включает лексические выступает потенциальным инициатором активных действий: *принять участие в выборах, приступить к выборам, обезоружить и устранить полицию, провести своих кандидатов.*

Если в модели социальной действительности большевиков характер одной из базовых контрарных оппозиций закрепляется за оппозицией *народ – власть*, то в модели эсеров иллюзорно подобная оппозиция *население – временное правительство* имеет концептуально иной характер: отношения между членами оппозиции не иерархические, а равноправные (*тверды связи между временным правительством и населением*):

*Наша победа, наша свобода зависит от того насколько быстро мы сумеем организовать, насколько **тверды будут связи между временным правительством и населением*** («Что делать в деревне?» Земля и воля от 21.03.1917).

Таким образом, контекстуальное употребление номинации *население*, значимое для выведения содержательной структуры конструкта *народ* в модели социальной действительности эсеров, формирует ряд смыслов:

- население как ‘объект заботы в связи с его бедственным положением’;
- население как ‘адресат призыва к субъектным политическим действиям’;
- население как ‘коллективный субъект, вступающий в равноправные отношения со *Временным правительством*’.

■ **трудовые массы**

● *Нынешняя разруха обострила, ухудшила положение **трудовых масс**, и хозяйственное преобразование страны должно идти в их интересах* («Революция и творчество» Земля и воля от 19.03.1917).

- *Мы должны принять самое деятельное участие в разрешении очередных практических вопросов хозяйственной жизни в интересах **трудовых масс*** («Революция и творчество» Земля и воля от 19.03.1917).

Если в концептуальной модели большевиков конструкт *народ*, представленный в текстах контекстуально синонимичными номинациями, содержит компонент ‘объект воздействия’, то в модели эсеров за конструктом *народ* закрепляется смысл ‘наличие собственных интересов’.

■ *передовые массы*

От нынешней разрухи страдают, главным образом, передовые массы, положение которых было тяжело и в довоенное время («Революция и творчество» Земля и воля от 19.03.1917).

В словаре Д.Н. Ушакова *передовой* означает ‘выше других по уровню развития; оппозиция отсталости; сознательный, инициативный, стоящий впереди других в борьбе; прогрессивный’. Но в этом контексте за *передовыми массами* закрепляется значение, ранее установленное с номинацией *население*, – ‘субъект страдания как потенциальный объект заботы’.

Образный перифраз *народа – кормилец России* вписывается в формируемый синонимический ряд по сходству дистрибуции: *кормилец России не имел права на жизнь, голодал*.

Уровень субъектности номинаций *трудовые массы, передовые массы* низкий, но не нулевой.

■ *люди*

В издании эсеров используется внеидеологическая номинация *люди*.

- *Еще недостаточно, чтобы **люди** имели право голоса, еще недостаточно чтобы они были на бумаге равными перед законом* («О воле и земле» Земля и воля от 21.03.1917).

- *Люди, понуро молчавшие, говорят, как пророки, на площадях и перекрестках* («Красные дни» Земля и воля от 21.03.1917).

В дистрибуции номинации *люди* преобладает семантика волеизъявления (*имели право голоса, понуро молчавшие, говорят как пророки*) и равенства перед законом (*были равны перед законом*), что сближает семантическое содержание лексемы *люди* с номинациями *народ* и *население*.

■ **русские граждане**

Правительство убеждено, что в исторической части, когда решаются судьбы родины, **русские граждане** забудут перед лицом неприятеля разделяющие их споры, объединятся в великом жертвенном подвиге, - встретить грядущие испытания с мужественным решением преодолеть их («Воззвание к населению» Земля и воля от 21.07.1917).

Смысл ‘объединения, сплочения, организации’ (*общие усилия, сплочение, организация, союз, организация в союзе, профессиональные союзы, организовываться*) широко представлена в концептуальной модели социальной действительности в органе печати эсеров благодаря дистрибуции номинаций *интеллигенция, рабочие, армия, крестьянство*:

- На развалинах старого строя **общими усилиями интеллигенции, рабочих и армии** заложена основа нового величественного здания («О воле и земле» Земля и воля от 21.03.1917).

- Наряду с упрочнением нашей новой государственности мы считаем необходимым **сплочение крестьянства в мощную организацию** – **Всероссийский Крестьянский Союз** – для вынесения общекрестьянских нужд и тех ближайших требований, которые должны быть предъявлены для разрешения Учредительному Собранию («Что делать в деревне?» Земля и воля от 21.03.1917).

На фоне в той или иной мере ожидаемых после анализа «Красной газеты» контекстуальных синонимов номинации *народ*, значимых для концептуальной модели эсеров, резко выделяется логический перифраз *народа* – **интеллигенция, рабочие и армия**.

«Русские ведомости».

В «Русских ведомостях» существенными для выведения модели социальной действительности кадетов становятся следующие контекстуальные синонимы номинации *народ*, большей частью ситуационные:

■ ***кронштадское население***

Громадное большинство кронштадтского населения, верное революции, сумеет рука-об-руку со всей остальной революционной Россией содействовать укреплению сильной революционной власти в стране («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).

■ ***каждый гражданин***

*Перед генерал-губернаторским домом собралась большая толпа народа. Керенский вышел на балкон и произнес небольшую речь, в которой выразил уверенность, что **каждый гражданин** до конца выполнит свой долг, основанный на правде, правде и справедливости. Свою речь А. Ф. Керенский закончил возгласом: «Да здравствует русская революция!». Публика приветствовала министра дружными кликами («На продовольственном съезде» Русские ведомости от 27.05.1917).*

Номинация *толпа* в приведенном контексте представляет собой ‘безоценочное именование совокупности лиц без соотнесенности со специальными или профессиональными сферами, беспорядочное множество, скопление людей’ (словарь Д.Н. Ушакова).

■ ***возбужденная крестьянская масса***

*Собрание сопровождалось бурными и резкими инцидентами, причем **возбужденная крестьянская масса** угрожала представителям еврейства («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).*

В этом контексте *возбужденная крестьянская масса* выступает субъектом активного агрессивного действия — угрозы.

■ ***огромные массы — масса***

*Очень тяжело в настоящее время выполнять долг военного министра, — трудно потому, что эта обязанность связана с призывом **огромных масс** к*

*подвигу самопожертвования, к подвигу смерти. И так легко вести борьбу с таким призывом, **возбудить в этой массе чувства** законного самосохранения («На продовольственном съезде» Русские ведомости от 27.05.1917).*

■ ***серые массы — умирающие люди***

*Вы, люди земли, понесите туда, на места, этот призыв, который я передаю вам с фронта, эту душу **серых масс**, которые в каждом месте спрашивали меня: «Почему нет хлеба и сапог? Я обязан эту волю **умирающих людей** передать искренне и правдиво («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).*

Образные перифразы номинации *солдаты* отчасти деидеологизируют номинацию *народ*.

В приведенном выше примере в общем контексте противопоставлены два образных выражения, *люди земли* и *серые массы*, которые обозначают соответственно адресата сообщения (*передаю вам, люди земли*) и его источник (*серые массы, умирающие люди на фронте*).

Номинация *люди земли* в следующем высказывании входит в отношения координации с глаголами *съехались сюда; знаете, что делала старая власть; знаете, каково положение. Люди земли* — обращение к крестьянам, участникам собрания, обсуждающего вопросы снабжения армии продовольствием:

*Одна из причин затруднений, которые переживают войска, находится в вопросе продовольствия. Я не буду говорить о прошлом. Вы съехались сюда и, как **люди земли**, знаете, что делала старая власть, и знаете, каково положение продовольственных организаций («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).*

Высказывания *выбор людей – командный состав – начальники армии* формируют в модели социальной действительности кадетов значение субъектности, стремящееся к нулю в модели большевиков:

*Я верю, что вы сознательно отнесетесь к **вашим выборным организациям**, будете чутко прислушиваться к **голосу разума в выборе людей***

и будете в тесном единении с вашим командным составом, ибо без начальников армии не существует («Внутренние известия» Русские ведомости от 27.05.1917).

Номинация *люди* в публикациях кадетов сочетается с лексическими единицами со значением волеизъявления (*выборные организации, выбор людей*), осознанности (*сознательно отнесетесь, голос разума*). Местоимение *ваши* (*ваши выборные организации, ваш командный состав*) указывает на обращенность высказывания к солдатским представителям, которых кадетская пресса призывает к сплоченности и сохранению армейской иерархии (*единение с командным составом, без начальников армии не существует*).

Различная степень субъектности проявляет себя в контекстуальных синонимах номинации *народ* следующим образом. Денотативное значение номинации *массы* в периодических изданиях всех трех партий в значительной мере определяется ее дистрибуцией и используемыми атрибутами. В изданиях большевиков *народные массы = народ, рабочие массы = рабочие*; номинация *трудовые массы* у эсеров используется для обозначения социальной группы, зарабатывающей физическим трудом, и сочетается с лексическими единицами, обозначающими общее неблагополучие и социально-правовую незащищенность; номинация *крестьянская масса* в изданиях кадетов акцентирует сословную принадлежность. В контекстах «Русских ведомостей» номинация *массы* обозначает армию, солдат (*умирающие массы, умирающая армия, умирающие люди на фронте*), что также является обозначением конкретной социальной группы.

В издании эсеров номинации *народ* и *массы* используются в контекстах, где речь идет о социальном и экономическом неблагополучии, страданиях и смерти. *Народ* и *массы* в модели социальной действительности эсеров выступают 'объектом заботы'. Этот смысл позволяет на более высоком уровне рефлексии вывести смысл 'сниженный уровень субъектности'.

Номинация *население* обладает более высокой степенью субъектности по сравнению с номинацией *массы* в изданиях всех трех политических сил.

У большевиков она сочетается с глаголами, выражающими активные действия или готовность к ним (*население взялось за оружие, готово защищать*).

В издании эсеров «Земля и воля» *население*, хотя и выступает как объект заботы в связи с бедственным экономическим положением (*наладить продовольствие, благополучие населения, неимущее население*), в то же время призывается к активным политическим действиям (*призываем все сельское население к выборам, население должно обезоружить и устранить, должно принять участие в выборах, проведет своих кандидатов*).

В модели социальной действительности эсеров *население* связано с правительством (*властью*) не иерархическими, а равноправными отношениями (*тверды связи между временным правительством и населением*).

В издании кадетов отношения между *населением* и *властью* также предстают равноправными, особенно в контексте национального единства (*большинство кронштадтского населения сумеет рука-об-руку со всей остальной революционной Россией содействовать укреплению сильной революционной власти*).

В выведении концептуальных моделей социальной действительности – и отдельных для каждого политического издания, и сравнительной – особое значение имеют компоненты, материализованные только в одной или двух моделях и имеющие свободную валентность (возможность) в двух других или оставшейся одной модели. Так только в издании эсеров используется номинация *люди*, имеющая форму единственного числа, корень которой (*человек*) не обладает значением множественности (в отличие от словоформ *народ, масса*): *люди* – много *человек*. Экспликация этого факта существенна для завершающего этапа моделирования – интерпретации при итоговой оценке степени присутствия или значимого отсутствия смысла ‘субъектности/бессубъектности’ в каждой

модели. Таким образом, метод сравнения, используемый на разных этапах и уровнях моделирования, повышает объяснительные и прогностические возможности выведенной модели.

Для сравнения: номинации *русские граждане* (в издании эсеров) и *каждый гражданин* (в издании кадетов) – наименование ‘подданного/подданных какого-либо государства’ (см., например, словарь Д.Н. Ушакова) – выражают только связь человека с государством, не обращены к человеку, как к личности.

В издании кадетов характеристики социально (классово) ограниченной *массы (крестьянской массы) – возбужденная ... угрожала* – содержат резко отрицательную, хотя и ситуативную (на собрании), оценку этого слоя общества: *угрожала представителям еврейства*.

Конечно, значимы не только номинации и их атрибуты. Качественные свойства обозначаемых этими номинациями социальных сущностей, участвующие в формировании содержательной структуры моделей социальной действительности, содержатся и в действиях этих сущностей. При этом необходимо учитывать не только семантику глаголов, обозначающих эти действия, но и их форму. Например, созидательные действия обозначаются, как правило, глаголами совершенного вида будущего времени, придающими оттенок логунговости всему высказыванию, что не может не отразиться на экспликации качеств социального субъекта и их дальнейшей интерпретации: *организованный трудовой народ сможет справиться с разрухой и защитит страну* (эсеры); *русский народ пронесет [свободу] сквозь кровь и страдания, создаст новую... Россию* (эсеры).

Значение действий, обозначаемых глаголами настоящего времени, *сострадательное*, связанное с переживаниями, в основном отрицательными: *народ не боится правды, верит власти* (большевики); *темные, народные массы жадно и с тревогой внимают слухам* (большевики); *народ страдает от недостатка продуктов и ...дороговизны* (эсеры); *от разрухи страдают передовые массы* (эсеры).

Результативная активность, выраженная глаголами прошедшего времени, содержит в себе значение ‘насилия’: *народ **вырвал** ... обещание пойти на ... мир* (большевики); *народ одним движением своего плеча ... **опрокинул*** (большевики).

Более подробно мы рассмотрим семантику глаголов, влияющую на содержательную структуру концептуальной модели социальной действительности, в следующем параграфе.

2.1.4 Сравнительная субмодель степени субъектности/бессубъектности номинации *народ* в соотношении с семантикой синтаксически связанных с номинацией глаголов

Мы уже отмечали, что в публикациях большевиков сказуемые с подлежащими *народ, население, рабочие (и крестьяне)* содержат семантический компонент ‘насилия’ и ‘борьбы’: *вырвал, опрокинул, взялось за оружие, нанесли удар, борются*.

Компонент ‘насилия’ может отсутствовать в словарном значении глагола-сказуемого, но сообщаться ему не только ближайшим контекстом в статье, но пониманием исторического контекста.

Например:

*Необходимо только, чтобы будущие рабочие политехникумы стали действительно рабочими не только по названию, но и по духу и по составу своих слушателей. Но об этом, надо полагать, **позаботятся** уже сами рабочие.* («Рабочие политехникумы» Красная газета от 15.01.1920).

Речь идет о классовом преимуществе, в том числе при получении образования, которое получили люди физического труда при власти большевиков. В таком историческом контексте – *рабочие сами позаботятся о том, чтобы рабочие политехникумы были рабочими по духу и по составу своих слушателей* – *позаботиться* означает ‘не допустить к учебе представителей других сословий’, поражая их в правах. А само название *рабочие политехникумы*

получает значение ‘политехникумы, в которых учатся рабочие’, то есть для рабочих. Вне такого контекста это название с высокой степенью достоверности означало бы ‘политехникумы, где учат сложным рабочим специальностям’. Другими словами, речь бы шла профессии, а не о сословной принадлежности.

Психологические процессы и состояния, обозначаемые сказуемыми при подлежащем *народ* и его контекстуальных синонимах выражают ‘страх’ и его отсутствие при отрицательной форме, ‘веру’, ‘желание’, ‘способность’: *не боится, верит, хотят, сумеет*.

Отмечен единичный пример ‘обладания властью’ - *держит власть*:

В первый раз на протяжении веков народ держит власть в своих руках («Они ждут, притаившись» Красная газета от 10.03.1918).

Это же значение может выражаться не прямо:

Правительство хочет сделать из германских советов учреждения, где негодные соглашатели могли-бы «мирно» столкнуться с банкирами и заводчиками. Рабочие хотят, чтобы советы имели всю власть («Рабочие политехникумы» Красная газета от 15.01.1920).

Семантика глагола *хотеть* (вместо, например, *требовать, добиваться и т.п.*), которая в ином контексте могла снизить идею ‘обладания властью’, в этом случае нейтрализуется уточнением *всю власть*.

Усиливает идею ‘обладания властью’ и конструктивное решение контекста.

Противоположение позиции правительства и рабочих дается через параллельную конструкцию, всегда усиливающую энергию сопоставления (здесь – равноправного противопоставления), особенно отчетливо воспринимаемую со слуха:

правительство хочет... // рабочие хотят...

Таким образом, мы в очередной раз подтвердили, что при выведения концептуальной модели на основании исследования текстов важнейшим фактором достоверности является точное определение границ

смыслоформирующего контекста, которые могут выходить за пределы текста (как в примере с *рабочими политехникумами*) или оставаться в его пределах, и анализ конструктивного и грамматического решения высказывания, которые могут существенно трансформировать словарное значение его лексических составляющих.

Необходимо постоянно учитывать соотношение семантики и грамматики, особенно если речь идет о выражении в тексте базовых конструкторов концептуальной модели.

Скажем, глаголы чувственного восприятия (*внимают, услышит...*) своей семантикой указывают на подлежащее, как на адресат чужого речевого воздействия: *массы внимают, население услышит*. Напомним контексты:

- *Темные, **народные массы** жадно и с тревогой внимают этим слухам.* («Не верьте провокационным слухам» Красная газета от 01.03.1918).

- *Сегодня все рабочее и крестьянское **население** Петрограда **услышит**, как нужна нам эта армия. И услышанное понесет в самую гущу трудовых масс столицы.* (Красная газета от 10.02.1918).

Приведем еще пример снижения значения ‘субъектности’ в результате разнонаправленности лексической семантики и грамматической.

Семантика глагола *усваивать* предполагает активный ментальный процесс познания, изучения и запоминания, но использование пассивной синтаксической конструкции и формы творительного падежа снижает субъектность номинации по сравнению с формой именительного падежа в синтаксической роли подлежащего: *лозунг усваивается массами рабочих – массы рабочих усвоили лозунг*:

*Уже более года длится эта борьба, и, несмотря ни на какие репрессии и расстрелы, наш русский лозунг: «Вся власть советам!» все более **усваивается широкими массами немецких рабочих*** («Рабочие политехникумы» Красная газета от 15.01.1920).

Таким образом, общее решение высказывания поддерживает значение ‘чужого (речевого, поскольку говорится о лозунге) воздействия’.

Заметим, что не только семантика грамматических форм может трансформировать значение лексической единицы. В следующем примере тоже используется пассивная форма (*произведена*), а субъекты действия (*рабочие и крестьяне*) стоят в творительном падеже, однако семантика глагола ремантической части высказывания (*произведена огромная творческая работа*) выражает идею ‘созидания’ (*творческая работа*) в высокой степени (*огромная*), благодаря чему степень субъектности не снижается:

За этот же год рабочими и крестьянами произведена огромная творческая работа («С Красным Новым годом» Красная газета от 01.01.1920).

В печати большевиков номинация *народ* и ее контекстуальные синонимы в синтаксической роли прямого, реже – косвенного, дополнения выступают в роли ‘жертвы насилия и манипуляции’ за счет семантики используемых глаголов:

грабили народ, подбивают народ, убивает народ, обманывает народ, расправляться с народом, расстреливает массы, обратить его [народ] в первобытное состояние.

Значение народа как ‘объекта заботы’, который мы неоднократно отмечали в контекстах печати эсеров, в большевистской «Красной газете» получает своеобразную интерпретацию, значимую для содержательной структуры выводимой модели социальной действительности. Своеобразие этой интерпретации заключается в понимании заботы:

Политехникумы должны дать рабочим массам опытных руководителей в той бескровной борьбе за экономическое возрождение родины, которая предстоит после окончания гражданской войны («Рабочие политехникумы» Красная газета от 15.01.1920).

Таким образом, забота – ‘необходимость дать опытных руководителей в бескровной борьбе за экономическое возрождение после гражданской войны’.

Народ как ‘объект заботы’ получит *опытных руководителей* в будущем и уже получил *горячий призыв*:

После подписания несчастнейшего мира, мы бросили в народную массу горячий призыв – к делу! («Спешат предать» Красная газета 09.03.1918).

Выбор формы управления *бросить призыв в массы* (куда? в кого?) вместо возможной формы управления *бросить призыв массам* (кому?) делает *массы* уже не ‘получателем результата чужого действия’, а обстоятельством места. Форма управления дополнительно способствует снижению значения ‘субъектности’ в содержательной структуре конструкта *народ*.

2.2 Содержательная структура номинации *власть* в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов

2.2.1 Сравнительная субмодель атрибутов номинации *власть*

*Различие денотативного значения номинации **власть** в разных моделях социальной действительности*

Все три политические силы поддерживали революционные преобразования, направленные на изменение политического строя в России, поэтому в изданиях и большевиков, и эсеров, и кадетов общим атрибутом номинации *власть* выступают определения с семантическим компонентом революция: твердая *революционная власть*, *власть из рядов революции*, *сильная революционная власть*.

Однако денотативное значение относительного прилагательного *революционный* можно установить, только расширив контекст.

В «Красной газете» под *революционной властью* понимается власть, полученная большевиками в результате октябрьского переворота / революции, а в “Земле и воле” и “Русских ведомостях” речь идет о представительской власти

всех слоев общества, представленных в Учредительном собрании после победы февральской революции:

- *Мы сейчас вводим твердый революционный порядок. И всяк кто хочет этот порядок нарушать должен знать, что его настигнет карающая рука твердой **революционной власти*** («Анархисты и Советская власть» Красная газета от 16.04.1918).

- *Эта **власть** вышла из рядов революции, это правительство [Временное правительство. — Г.Л.] – правительство восставшего народа, самодержавною волею народа призванное к власти* («Народ и власть» Земля и воля от 07.04.1917).

- ... громадное большинство кронштадтского населения, верное революции [февральской революции. — Г.Л.], сумеет рука-об-руку со всей остальной революционной Россией содействовать укреплению **сильной революционной власти** в стране («Кронштадтская республика» Русские ведомости от 27.05.1917).

Смысловые различия атрибута народная (власть) в разных моделях социальной действительности

И большевики, и эсеры используют в своей периодической печати определение *народная* по отношению к власти. Однако это определение не обнаруживает семантической тождественности в контекстах разных политических сил.

Прилагательное *народная* по отношению к власти в прессе большевиков оказывается качественным прилагательным с отчетливой положительной оценкой:

*Темные силы контрреволюции, с нетерпением ждущие приближения отрядов Вильгельма, чтобы поднять открытый бунт против **Народной***

Советской власти, пока занимаются другим, подготовительным делом («Не верьте провокационным слухам!» Красная газета от 01.03.1918).

В приведенном примере *темные силы контрреволюции* носят отчетливо отрицательный характер и выступают в качестве контекстуального антонима положительно коннотируемой *народной советской власти*:

темные силы контрреволюции ↔ народная советская власть.

В прессе эсеров прилагательное *народная* по отношению к *власти* — *относительное*, используемое как объективная характеристика государственного управления, включающего представителей всех партий, выступавших на стороне революционных преобразований (*единение революционных сил*):

Необходимо полное единение революционных сил вокруг органов народной власти («На новых позициях» Земля и воля от 09.07.1917).

Мы видим, что одна и та же буквенно-звуковая последовательность (*революционная, народная*) может иметь разные значения в зависимости от контекста. Для достоверного определения подразумеваемого смысла необходимо установить объем смыслоформирующего контекста. Формальные совпадения часто провоцируют иллюзию тождественности.

Кадеты не используют в своей модели атрибут *народная* с номинацией *власть*, но напомним, что ранее мы установили, что денотативное значение номинации *народ* охватывает все слои общества.

***Атрибутивное словосочетание
народившаяся / нарождающаяся власть.***

Факторы, влияющие на его значение.

Еще одним атрибутом номинации *власть* в контекстах исследуемых изданий является атрибутивное словосочетание *народившаяся / нарождающаяся* власть. В печати большевиков и эсеров *власть народившаяся*

/ нарождающаяся устремляются к зоне семантической тождественности. Но и в этом случае наблюдаются существенные смысловые контекстуальные различия, не позволяющие говорить о совпадении результатов свершившегося процесса.

В издании «Красной газеты» сочетание *власть народившаяся* в отношении первоначального периода возникновения новой формы правления персонифицируется, *власть* наделяется человеческими характеристиками, способностью к рождению и смерти:

Они ждали гибели советской, только тогда народившейся власти – еще в октябрьские дни («Они ждут, притаившись...» Красная газета от 10.03.1918).

Большевики используют сочетание *народившаяся власть* в контексте описания враждебного отношения к новой форме правления. В то время как у эсеров *нарождающаяся власть*, напротив, позиционируется как объект поддержки со стороны *народа* и *стоящих на стороне народа партий*:

Программа нового правительства была признана Советом солдатских и народных депутатов, заявивших в обращении к народу, что народ и стоящие на стороне народа партии должны оказать поддержку нарождающейся власти (Земля и воля от 10.03.1917).

Содержание номинации власть

в контексте лозунгов:

Вся власть советам!

Вся власть Учредительному собранию!

Для определения содержания номинации *власть* значимым представляется анализ лозунгов, содержащих эту номинацию: *Вся власть советам! Вся власть Учредительному собранию!*

И большевики, и эсеры используют лозунг *вся власть* в сочетании с существительным в дательном падеже как призыв предоставить выборному органу (советам / Учредительному собранию) все властные полномочия.

В таком сочетании номинация *вся власть* соответствует значению ‘полнота полномочий, безраздельное право и возможность распоряжаться чьими-то действиями, подчинять кого-либо своей воле’ (словарь Д.Н. Ушакова).

В издании большевиков высказывания с устойчивым словосочетанием *вся власть* используются не только в прямой речи в формате лозунга (*Вся власть советам!*), но и в косвенной речи (*рабочие хотят, чтобы советы имели всю власть*).

Параллельная конструкция усиливает положительную коннотацию лозунга и субъекта власти (советов):

«Вся власть советам!» - возглашают берлинские рабочие.

«Вся власть банкирам!»- отвечают им пушки немецких меньшевиков («Капиталистическая Европа - на вулкане!» Красная газета от 15.01.1920).

Модель лозунга, общая для большевиков и эсеров, предполагает разных субъектов власти:

И поэтому пусть же будет нашим лозунгом в этом году; «да здравствует Учредительное Собрание, вся власть ему! Власть безраздельная и полная («Земля и воля» от 09.01.1918)!

И в лозунговой восклицательной, и в изъявительной форме в печати эсеров субъектом власти будет на разных этапах Учредительное собрание и Временное правительство:

- *Таким образом, вся полнота власти перешла к **Временному правительству**, которое обязалось полностью осуществить важнейшие требования трудового народа* («Земля и воля» от 08.04.1917).

- *Ложны все крики и опасения о будто бы существующем у нас гибельном двоевластии. Власть сейчас одна. Революцией вручена она теперешнему **Временному правительству*** («Земля и воля» от 08.04.1917).

- *Истинная задача правительства [Временного] – **идти рука об руку с народом** в создании новых форм общественной жизни, в коренной перестройке*

старого. Силами одной власти, разумением одного правительства не может быть совершено дело обновления России («Земля и воля» от 08.04.1917).

Лозунги в предельно экспрессивной форме подтверждают разное денотативное значение номинации *власть*, отражающее ставшие непримиримыми политические цели большевиков и эсеров.

Атрибутивное словосочетание “советская власть” и формирование его устойчивой положительной оценки

Формирование устойчиво позитивного отношения к власти большевиков связано с особенностями использования атрибута *советская: советская власть*. Референт номинации *советская власть* – форма государственного строя (власть советов), установленная в России после октябрьского переворота 1917 года и фактически представляющая собой правление партии большевиков.

Положительной оценке постоянного атрибута *советская (власть)* помогает сформироваться стилистически возвышенная, эмоционально окрашенная лексема *гибель*. Возможное уничтожение советской власти как формы правления отождествляется с *крушением лучших надежд: советская власть = лучшие надежды рабочих и крестьян*.

Чего ждете: гибели советской власти, а с нею и крушения лучших надежд рабочих и крестьян России («Они ждут, притаившись...» Красная газета от 10.03.1918)?

Окончательным результатом положительной оценки, дающейся, как правило, в превосходной степени, станет частичная утрата прилагательным *советский* статуса относительного прилагательного и сближение его значения с качественными прилагательными: *советский* – ‘лучший’.

***Характеристики
атрибутивного словосочетания Советская власть:
сильная, крепкая, твердая, решительная.***

Издание большевиков наделяет номинацию *Советская власть* характеристиками с семантическим компонентом ‘сила, твердость’: *слишком сильна, слишком крепка; власть живая, крепкая, устойчивая; твердая революционная, твердо поддерживаемая.*

Эти господа не понимают той простой вещи, что именно потому Советская власть сама говорит о тех или других недочетах, что она слишком сильна, слишком крепка («Самокритика» Красная газета от 18.04.1918).

- *А мы люди живые. Наша власть – власть живая, крепкая, устойчивая, твердо поддерживаемая трудовым народом* («Самокритика» Красная газета от 18.04.1918).

- *И всяк кто хочет этот порядок нарушать должен знать, что его настигнет карающая рука твердой революционной власти* («Анархисты и Советская власть» Красная газета 16.04.1918).

Атрибуты *сильный, твердый* и *решительный* выступают как устойчивая характеристика не только *советской власти* как формы государственного управления, но и проводимого ею политического курса: *твердая политика, твердый революционный порядок:*

- *И произошел этот перелом благодаря сильной, выдержанной, твердой и решительной политике Советской власти* («Восстание трудовых масс» Красная газета от 03.02.1918).

- *Мы сейчас вводим твердый революционный порядок* («Анархисты и Советская власть» Красная газета 16.04.1918).

Семантический компонент ‘твердость’ также содержится в метафоре *твердыня Советской власти*, в которой референт уподобляется укрепленному замку или крепости: *твердыня советской власти* – образный перифраз *Красной армии:*

• *Как раненый насмерть зверь перед издыханием становится злым до бешенства, так разбитые всюду и везде контр-революционеры, собрав последние остатки своих сил, с яростью набрасываются в последний раз на твердыню Советской власти* («Сегодня день рабоче-крестьянской красной социалистической армии» Красная газета от 10.02.1918).

Представленные в «Красной газете» характеристики советской власти как формы государственного правления – *сильная, твердая, решительная, способная навести порядок* – сложились по отношению к врагу.

Содержательная структура конструкта *власть* вне анализа атрибутов номинации *власть* по отношению к народу (или анализа соотношения *власти* и *народа*) будет неполной.

Соотношение власти и народа

Мы уже установили, что в прессе большевиков атрибут *народная (власть)* имеет качественное значение, а не относительное — ‘принадлежащая народу’, то есть *власть народа*. И используемое в «Красной газете» определение *поддерживаемая народом* – не значит ‘принадлежащая народу’. Таким образом, *власть* и *народ* в прессе большевиков непроизвольно дистанцируются друг от друга.

Заметим, народ *верит* власти, а не *доверяет*. Все характеристики советской власти по отношению к народу даются через отрицание негативных свойств: не *честная*, а такая, которая *не обманывает*, не *открытая*, а такая, которая *не скрывает*. В таких синтаксических конструкциях — *власть его* [народ] *не обманывает*, *от него* [от народа] *ничего не скрывает* — народ выполняет функцию пациента, претерпевающего над собой действия со стороны *власти*. Напомним:

И народ правды не боится, а наоборот, еще больше верит той власти, которая его не обманывает, от него ничего не скрывает («Самокритика» Красная газета от 18.04.1918).

Такие контексты дополнительно подтверждают уже сделанный нами вывод, что значение атрибута *народная* качественное.

***Старая и новая власть:
явная и подразумеваемая антитеза***

Для политического издания партии эсеров характерно противопоставление атрибутов *старый* ↔ *новый*, которое актуализируется в оппозиции *старая власть / старые власти* как номинации дореволюционной формы правления и названий нового, послереволюционного государственного устройства, которое описывается с помощью номинаций *новый строй, новые власти, нарождающаяся власть*:

- Для того, чтобы новый порядок укрепился, необходимо, чтобы ***старые власти*** были повсюду ***устранены и заменены новыми*** («Земля и воля» от 10.03.1917).
- Для того, чтобы закрепить и поддержать произведенный переворот на местах устраиваются так называемые общественные комитеты (или временные исполнительные комитеты). Они берут на себя задачу ***устранить старые власти*** и очень часто берутся за выполнение тех обязанностей, какие выполнялись старыми («Земля и воля» от 10.03.1917).
- В назначении ***новых властей***, а главное в надзоре и контроле за их деятельностью должны принять участие все организованные демократические силы страны, в том числе трудовое крестьянство («Земля и воля» от 10.03.1917).

Номинация *старые власти*, обозначающая дореволюционные властные структуры и представлявших их субъектов, сопровождается атрибутами *безответственные, служившие деспотизму*; последствиями их управления называются *запущенные дела, приведенные в расстройство*:

- *Революционный народ свергая старые безответственные власти, служившие царско-помещичьему деспотизму, должен поставить на их место свои (Земля и воля от 10.03.1917).*
- *Старая власть оставила нам в наследство целую уйму запущенных дел, за которые приходится все еще расплачиваться и теперь («Революция и творчество» Земля и воля от 19.03.1917).*
- *Общественные комитеты должны устраивать дела, приведенные в расстройство старыми властями; они должны подготовить созыв Учредительного Собрания (Земля и воля от 10.03.1917).*

В публикациях эсеров отрицательно коннотируются субъекты (*представители*) старой власти и их сторонники, агенты, защитники, сотрудничавшие или симпатизирующие прежним властителям (*представители старой власти, сторонники старой власти, агенты старого строя, защитники самовластия*). Контекст, в котором используются эти выражения, включает в себя отрицательные эмоционально окрашенные атрибуты (*темные, корыстные*) и призывы к читателям *не доверять, устранять, давать твердый отпор* этой власти и стремиться к ее обновлению: *нельзя доверять, должны быть устранены, надо давать твердый отпор, необходимо обновление.*

- *Представители старой власти, которые столько времени помогали правительству угнетать народ, не могут быть оставлены на местах во время революции, им нельзя доверять и поэтому они должны быть устранены (Земля и воля от 10.03.1917).*
- *Надо дружно и быстро давать твердый отпор этим сторонникам старой власти, этим темным или корыстным защитникам бывшего самовластия, державшего 300 лет в рабстве русский народ (Земля и воля от 10.03.1917).*
- *Мы считаем необходимым направить наибольшее внимание на обновление всего государственного механизма сверху до низу. Особенно необходимым это обновление является в деревнях, где еще в очень многих*

местах агенты старого строя сохраняют всю полноту власти («Что делать в деревне?» Земля и воля от 21.03.1917).

В «Красной газете» свойства **небольшевистской** власти реконструируются на основании отрицания негативных свойств у власти большевиков: большевистская власть *не обманывает, не скрывает* / **небольшевистская** власть *обманывает, скрывает*.

**Смысловое соотношение
атрибутивных словосочетаний
советская власть / демократическая власть**

В то время как в политических изданиях большевиков акцентируются положительные качества только одной формы правления – *советской власти*, публицистические тексты эсеров включают в себя высказывания о разных формах правления (*однородно-буржуазная власть, однородно-демократическая власть, власть буржуазии, демократия, однородная по составу власть, демократическая власть*):

- *Есть два выхода: власть делается однородно-буржуазной – это одно; власть становится однородно-демократической – это другой выход* («Земля и воля» от 25.10.1917).
- *Если власть буржуазии и может быть «властью твердой», но народного доверия эта власть не найдет и ее твердость вызовет бунты и восстания* («Земля и воля» от 25.10.1917).
- *Остается один единственный выход – власть должна перейти в руки демократии* («Земля и воля» от 25.10.1917).
- *Первый же кризис (потрясение) власти даст нам власть однородную по своему составу. И надо полагать, что у демократии достаточно силы, чтобы эту однородность состава правительства сделать однородностью власти демократической* («Земля и воля» от 25.10.1917).

Предпочтительная форма правления в политическом издании эсеров — *демократия*: у нее *достаточно силы*, победа именно этой формы правления объявляется *единственным выходом*, поскольку в отличие от политических соперников (*однородно-буржуазной власти, власти буржуазии*), демократическая власть опирается на *народное доверие*, (в то время, как советская власть опирается на *веру*, о чем говорилось выше).

Примечательно, что *твердость*, позиционируемая большевиками как положительная характеристика власти (*советской власти*), в политических изданиях эсеров предстает как отрицательное свойство: если у власти нет доверия народа, это ведет к бунтам и восстаниям.

Если в издании большевиков положительной характеристикой *власти* выступает *сила*, то в публикациях эсеров — *ответственность*.

Оценочное противоположение *силы* и *ответственности* власти существенно для содержательной структуры моделей социальной действительности большевиков и эсеров:

- в модели социальной действительности большевиков отсутствует смысл ‘ответственность власти’;
- в модели социальной действительности эсеров отсутствует смысл ‘сила власти’ (сильная власть).

Значимость этих свободных валентностей в каждой из модели сложно переоценить.

Крайне значимым для выведения концептуальных моделей социальной действительности всех политических сил является и тот факт, что в печати эсеров **субъектом** политического действия выступает *демократия*, а *власть* — это **объект**.

Чем больше власти берет в свои руки демократия, тем больше берет ответственности:

Взяв в свои руки большую часть власти, демократия берет и большую часть ответственности. Она одна ответственна за будущее («На новых позициях» Земля и воля от 09.07.1917).

В издании партии кадетов «Русские ведомости» с номинацией *власть* не используются идеологизированные атрибуты.

Смысловые различия атрибута власти “железная” в прессе большевиков и эсеров

Характеристика *железная* по отношению к *власти* имеет переносное значение ‘сильная’. Но если для большевиков, согласно контексту, *сила* и *твердость* ценны сами по себе, то у эсеров этот атрибут используется преимущественно в контексте военного положения и необходимости противостоять внешним врагам (*в суровых условиях военной необходимости*):

Только железной властью, в суровых условиях военной необходимости, и самоотверженным порывом самого народа может быть выкована грозная и созидательная государственная мощь, которая очистит родную землю от неприятеля («Воззвание к населению» Земля и воля» от 27.07.1917).

Кратко обобщим результаты, полученные в данном разделе нашей работы. За формальным совпадением ряда атрибутов номинации *власть* в прессе большевиков и эсеров (*революционная, народная, нарождающаяся, новая, сильная/твердая/крепкая, железная*) стоят концептуально значимые различия. Суммируем их.

- Различие денотативного значения сочетания *революционная власть*: у большевиков ‘относящаяся к октябрьскому перевороту (революции)’ ↔ у кадетов ‘относящаяся к февральской демократической революции’.
- Смысловые различия сочетания *нарождающаяся власть* как объекта восприятия: у большевиков ‘объект ненависти со стороны врагов’ ↔ у кадетов ‘объект поддержки со стороны общества’.

- Несовпадение денотативного объема сочетания *новая власть*:
у большевиков ‘власть одной партии’ ↔ у эсеров ‘коалиционная’ ↔ у кадетов подразумевается ‘власть всего революционного народа’.
- Различие выраженности противопоставляемых компонентов в антитезе *старой и новой власти*:
у большевиков явная ↔ у эсеров подразумеваемая.
- Контекстуально формируемое различие семантико-грамматического разряда прилагательного *народная* в сочетании *народная власть*:
у большевиков *народная* — качественное прилагательное с положительной коннотацией;
у эсеров *народная* — ‘принадлежащая народу’ (относительное прилагательное).
- Различие адресатов общей модели лозунга «*Вся власть...!*»:
Вся власть советам! у большевиков – ‘вся власть одной политической силе’ (большевикам),
Вся власть Учредительному собранию! у эсеров — ‘вся власть выборному органу, представляющему все слои общества’/
- Различие контекстуального значения атрибута *власти* – *железная* ‘сильная’:
у большевиков ‘сила – самоценное положительное свойство власти’ ↔ у эсеров ‘сила – ситуационное положительное свойство власти, в контексте военного положения, при необходимости противостоять внешним врагам’.
Концептуальные различия содержательных конструкторов *власть* в моделях социальной действительности большевиков и эсеров формируется также:
 - выведенным противоположением различных форм власти:
у большевиков *советская власть* ↔ у эсеров *демократическая власть*;
 - выведенным соотношением *народа и власти*:
у большевиков *поддерживаемая народом* (власть) ↔ у эсеров *принадлежащая народу* (власть).

Независимо от формального совпадения или несовпадения конкретных средств выражения атрибутов номинации *власть* в прессе большевиков и эсеров, их значения, противопоставленные друг другу, в представлении этих политических сил образуют антитезу.

Важно отметить концептуальную значимость ослабленного положения конструкта *власть* в модели социальной действительности кадетов особенно в сопоставлении с концептуальной моделью социальной действительности большевиков.

2.2.2 Сравнительная субмодель денотативного значения номинации *власть*

В то время как номинации дореволюционной власти в печати эсеров сопровождаются атрибутами с отрицательной оценкой, номинация *новый строй* характеризуется как форма правления, *необходимая трудовым массам*:

Нужно еще много поработать над созданием нового строя, необходимого трудовым массам («Земля и воля» от 10.03.1917).

После того как эсеры заняли ряд ключевых постов во Временном правительстве, антагонизм между *народом* и *властью* с точки зрения авторов «Земли и воли» сместился в прошлое, на что указывают глагольные формы прошедшего времени (*революция изменила, были враждебными лагерями*).

Революция изменила старое положение вещей, когда народ и власть были двумя разными и враждебными лагерями («Народ и власть» Земля и воля от 07.04.1917).

Если номинация *старая власть* в высказываниях эсеров вызывает ассоциации с угнетением народа (*помогали угнетать народ*), экономическим неблагополучием (*уйма запущенных дел, за которые приходится все еще расплачиваться*), деспотической формой правления (*служившие царско-помещичьему деспотизму*), то новое коалиционное правительство, пришедшее к

власти в результате революционных событий (*правительство восставшего народа*), действует в интересах народа, так как было призвано его *самодержавною волею*:

Эта власть вышла из рядов революции, это правительство – правительство восставшего народа, самодержавною волею народа призванное к власти («Народ и власть» Земля и воля от 07.04.1917).

В тех случаях, когда референтом слова *власть* выступает Временное правительство, оно сочетается с атрибутами *коалиционная, железная*. Атрибут *коалиционная* указывает на способность вступать в объединение или союз для достижения общих целей.

Власть остается коалиционной, но наиболее ответственные места министерств будут принадлежать социалистам («На новых позициях» Земля и воля от 09.07.1917).

Разный денотативный объём номинации *власть* мы уже отмечали. У большевиков *власть* одной партии, у эсеров – *коалиционная*, у кадетов – всего революционного народа.

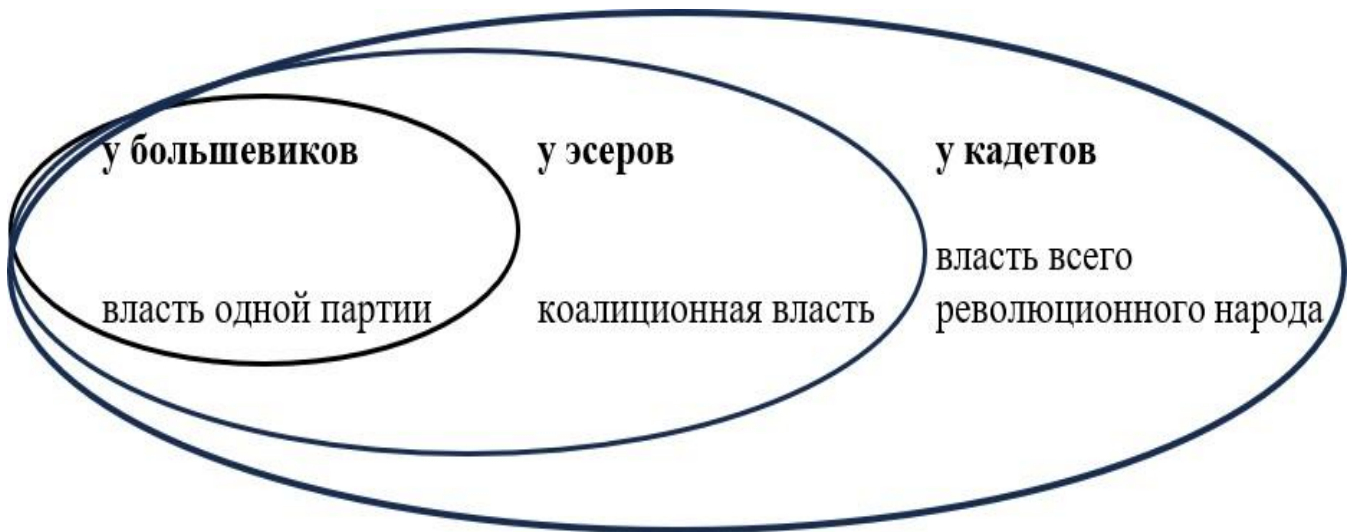

Схема 7. Сравнительная субмодель денотативного значения номинации *власть* в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов

2.2.3 Сравнительная субмодель контекстуальных синонимов и антонимов номинации *власть* в печати политических противников

Для выявления денотативного значения номинации *власть* в политических изданиях большевиков, эсеров и кадетов (т.е. тех социально-политических сил, которые подразумеваются под этой номинацией), необходимо установить контекстуальные синонимы и антонимы этой номинации.

Большевики соотносят *советскую власть* с *трудовой республикой, рабоче-крестьянской Россией*, и резко противопоставляют советскую власть *тайным монархистам, кадетам, оборонцам-социал-демократам и эсерам*:

- *За Харьковом и Киевом последний крупный промышленный центр Украины – в руках советской власти. С этой победой, завершающей победоносное движение на Украинском фронте, трудовая республика вступает в 1920 год («Красная газета» от 01.01.1920).*

- *Тайные монархисты, кадеты, оборонцы – социал-демократы и эсеры черновского толка – все сливаются в единодушном желании: увидеть поверженной своего, чуть ли не личного врага – советскую власть, возглавляющую рабоче-крестьянскую Россию* («Они ждут, притаившись...» Красная газета от 10.03.1918).

В большевистском издании «Красная газета» формируется устойчивая антонимическая оппозиция:

советская власть ↔ контрреволюционеры (силы контрреволюции, контрреволюционные банды).

- *Как раненый насмерть зверь перед издыханием становится злым до бешенства, так разбитые всюду и везде контрреволюционеры, собрав последние остатки своих сил, с яростью набрасываются в последний раз на твердыню Советской власти* («Сегодня день рабоче-крестьянской красной социалистической армии» Красная газета от 10.02.1918).
- *Темные силы контрреволюции, с нетерпением ждущие приближения отрядов Вильгельма, чтобы поднять открытый бунт против Народной Советской власти, пока занимаются другим, подготовительным делом* («Не верьте провокационным слухам!» Красная газета от 01.03.1918).
- *Хорошие вести приходят со всех фронтов, где советская власть ведет борьбу с контрреволюционными бандами* («Подавление контр-революции» Красная газета от 20.04.1918).

В издании большевиков также представлена оппозиция *советская власть ↔ мягкотелые люди*:

Конец гражданской войны, которой так требовали многие мягкотелые люди, наступает гораздо скорее, чем они ожидали. Но наступает не потому, что Советская власть согласилась эту войну прекратить («Подавление контрреволюции» Красная газета от 20.04.1918).

Атрибут *мягкотелый* в значении ‘податливый, бесхарактерный, неэнергичный’ не встречается в словаре В.И. Даля, но зафиксирован в словаре Д.Н. Ушакова с указанием на то, что сочетание *мягкотелый интеллигент* впервые употребляется М.Е. Салтыковым-Щедриным в «Пошехонских рассказах». У образованного читателя «Красной газеты» могли бы возникнуть ассоциации между *мягкотелыми людьми* и *интеллигенцией*, но массовый читатель станет сблизать или отождествлять денотатов этих номинаций несколько позже, когда борьба с интеллигенцией примет открытый репрессивный характер.

Отрицательная коннотация противников революции создается нагнетанием стилистических приемов и средств, характерных для публицистического стиля, особенно в критические периоды истории: *контрреволюционеры набрасываются, как раненый зверь, темные силы контрреволюции, контрреволюционные банды*.

Советская власть в издании «Красной газеты» образует противоположение с *тайными монархистами, кадетами, оборонцами*. Другими словами, большевики противопоставляют себя всем остальным партиям, включая революционные партии небольшевистской направленности (*социал-демократов* и *эсеров черновского толка*). Меншевики и эсеры в публикациях этого ограниченного периода тоже расцениваются как ‘участники контрреволюционного движения’, которых удалось победить и привлечь на свою сторону:

• *Партии, стоявшие в начале года в контрреволюционном движении, меньшевики и эсеры, в конце истекшего года призвали устами меньшевики своего Ц. К., а эсеры - значительной частью партии бороться за советскую власть. Это ли не победа, предрешающая участь всего боя («С Красным Новым годом!» Красная газета от 01.01.1920).*

- *Так одна за другой кончаются неудачей попытки контрреволюционеров силой бороться с Советской властью («Подавление контрреволюции» Красная газета от 20.04.1918).*

В издании эсеров контекстуальным синонимом *старой власти* выступает *самовластие* (*сторонники старой власти = защитники самовластия*), тогда как новая власть (*эта власть*) отождествляется с народовластием (*самодержавной волей народа*).

- *Эта власть вышла из рядов революции, это правительство – правительство возставшего народа, самодержавною волею народа призванное к власти («Народ и власть» Земля и воля от 07.04.1917).*
- *Надо дружно и быстро давать твердый отпор этим сторонникам старой власти, этим темным или корыстным защитникам бывшего самовластия, державшего 300 лет в рабстве русский народ (Земля и воля от 10.03.1917).*

Отрицательная эмоционально-экспрессивная оценка понятия *старая власть* раскрывается через его контекстуальный синоним *внутренний враг*. В этом контексте *власть* выполняет семантическую роль агенса, источника враждебных действий (*угнетать, разорить, служить деспотизму, привести в расстройство дела, оставить в наследство запущенные дела, за которые приходится расплачиваться*):

Одержана великая победа. Революционный народ победил старую власть. Старый внутренний враг, веками угнетавший трудовые классы и разоривший страну, поражен (Земля и воля от 10.03.1917).

Обобщим полученные данные.

В политических изданиях большевиков номинация *советская власть* образует контрарные оппозиции со следующими номинациями:

Советская власть ↔ контрреволюционеры / силы контрреволюции / контрреволюционные банды);

Советская власть ↔ мягкотелые люди (интеллигенция);

Советская власть ↔ тайные монархисты, кадеты, оборонцы, социал-демократы и эсеры черновского толка (политические партии небольшевистской направленности).

В публикациях «Земли и воли» присутствует контрарная оппозиция *старая власть ↔ новая власть*.

Контекстуальными синонимами словосочетания *старая власть* выступают номинации *самовластие, внутренний враг*.

Номинация *новая власть* употребляется синонимично номинации *правительство восставшего народа*.

2.2.4 Сравнительная субмодель степени субъектности/бессубъектности номинации *власть* в соотношении с семантикой синтаксически связанных с номинацией глаголов

В издании большевиков номинация *советская власть* выступает как субъект политических действий и общественно значимых высказываний: *советская власть* ведет и прекращает военные действия (*советская власть ведет борьбу, советская власть согласилась эту войну прекратить*), контролирует регионы (*промышленный центр Украины – в руках советской власти*), коммуницирует с населением (*советская власть сама говорит о тех или других недочетах*), распоряжается человеческими ресурсами (*все – в распоряжение Советской власти*):

- *Хорошие вести приходят со всех фронтов, где советская власть ведет борьбу с контрреволюционными бандами* («Подавление контрреволюции» Красная газета от 20.04.1918).
- *Конец гражданской войны, которой так требовали многие мягкотелые люди, наступает гораздо скорее, чем они ожидали. Но наступает не потому, что Советская власть согласилась эту войну прекратить* («Подавление контрреволюции» Красная газета от 20.04.1918).

- *За Харьковом и Киевом последний крупный промышленный центр Украины – в руках Советской власти. С этой победой, завершающей победоносное движение на Украинском фронте, трудовая республика вступает в 1920 год* (Красная газета от 01.01.1920).
- *Все к оружию! Все на борьбу, все – в распоряжение Советской власти* («Ни колебаний, ни сомнений, все к оружию» Красная газета от 02.03.1918).

В печатном органе эсеров «Земля и воля» номинация *старая власть* употребляется в двух значениях, зафиксированных в словаре Д. Н. Ушакова: в единственном числе – в значении ‘образ правления, государственный строй’; во множественном числе – в значении ‘лица, облеченные властью, начальство’.

В обоих значениях выполняет или синтаксическую роль подлежащего и сочетается с краткой формой страдательного причастия (*старая власть свергнута, старые власти были устранены и заменены*) или выступает в роли прямого дополнения и сочетается с переходным глаголом: *устранить старые власти, победил старую власть*).

Например:

- *Старая власть только что свергнута. Нужно еще много поработать над созданием нового строя, необходимого трудовым массам* («Земля и воля» от 10.03.1917).
- *Для того, чтобы новый порядок укрепился, необходимо, чтобы старые власти были повсюду устранены и заменены новыми* («Земля и воля» от 10.03.1917).
- *Для того, чтобы закрепить и поддержать произведенный переворот на местах устраиваются так называемые общественные комитеты (или временные исполнительные комитеты). Они берут на себя задачу устранить старые власти и очень часто берутся за выполнение тех обязанностей, какие выполнялись старыми* («Земля и воля» от 10.03.1917).

- *Повсюду идет смена старых властей, где это не было сделано в первые дни революции. Население лихорадочно организуется: в союзы, партии, комитеты и т.д. («Революция и творчество» Земля и воля от 19.03. 1917).*
- *Революционный народ победил старую власть («Земля и воля» от 10.03.1917).*

Однако семантическую роль пациенса в публикациях эсеров выполняет не только *старая власть*, но и *новая власть*: *старая власть свергнута, старые власти устранены и заменены, устранить старые власти, победил старую власть и назначение новых властей, оказать поддержку нарождающейся власти, местные власти сменяются*. Например:

В назначении новых властей, а главное в надзоре и контроле за их деятельностью должны принять участие все организованные демократические силы страны, в том числе трудовое крестьянство («Земля и воля» от 10.03.1917).

В семантической роли агенса (там, где он указан) в издании эсеров выступают *общественные комитеты, организованные демократические силы, трудовое крестьянство, народ и стоящие на стороне народа партии, революционный народ*.

В отличие от контекстов большевиков, где *власть* в значении ‘лица, наделенные властными полномочиями,’ выступает как источник действия, активный участник, контролирующей ситуацию.

В печати эсеров номинации лиц, облеченных властью до революции (*представители старой власти, сторонники старой власти, агенты старого строя, защитники самовластия*), могут выполнять семантическую роль агенса (*помогали угнетать народ, сохраняют полноту власти*):

- *Представители старой власти, которые столько времени помогали правительству угнетать народ, не могут быть оставлены на местах во время революции, им нельзя доверять и поэтому они должны быть устранены («Земля и воля» от 10.03.1917).*

- ... мы считаем необходимым направить наибольшее внимание на обновление всего государственного механизма сверху до низу. Особенно необходимым это обновление является в деревнях, где еще в очень многих местах **агенты старого строя сохраняют всю полноту власти** («Земля и воля» от 21.03.1917).
- **Отныне власть, именем демократической республики, именем народоправства, будет защищать** дело («На новых позициях» Земля и воля от 09.07.1917).

Значение *власти* как ‘объекта борьбы разных политических сил’ в разных конфигурациях многократно возобновляется в печати эсеров:

- **Большевики и оборонцы, как дерущиеся глухари, в упоении клюют друг друга, отвоевая власть** и не замечают, что и те и другие взяты на прицел контрреволюцией («У последней черты» Земля и воля от 28.11.1917).
- **Приблизился последний период борьбы за власть** («Земля и воля» от 25.10.1917).
- **Наряду с этим последним периодом борьбы за власть между буржуазией и демократией, приблизился к нам и период подготовки выборов в Учредительное собрание и самые выборы в него** («Земля и воля» от 25.10.1917).
- **Мы до сей поры знали один способ борьбы за власть: способ волнений, выступлений, насильственного давления на органы власти** («Земля и воля» от 25.10.1917).

Острое политическое противостояние в борьбе за власть поддерживается стилистически: в «Земле и воле» борьба за власть между политическими противниками эсеров – большевиками и оборонцами – сравнивается с *дракой глухарей*, которые в упоении клюют друг друга.

В издании партии кадетов сочетаемость номинация *власть* сочетается с языковыми единицами со значением ‘признание права’: *признавать себя*

властью, признавать власть, признавать полноту власти, сознание права на власть:

- *Переданный Скобелевым и Церетели текст представляет собой не резолюцию об отношении кронштадтцев к временному правительству, а просто ответ на сделанные Скобелевым и Церетели предложения. Резолюция о политическом моменте остается прежняя, и кронштадтский совет по-прежнему признает себя единственной властью в Кронштадте («Русские ведомости» от 27.05.1917).*
- *Отказ кронштадтского совета признавать власть временного правительства означает отпадение от революционной демократии, пославшей в состав правительства своих представителей, выразившей ему полное доверие и признавшей за ним полноту власти («Русские ведомости» от 27.05.1917).*
- *Товарищи, — сказал он, — я знаю правду жизни России, знаю, что нужно России, и с сознанием своего права на власть говорю правду. Эта власть мне дана не по капризу отдельных личностей, а волею всего народа против моей воли («Русские ведомости» от 27.05.1917).*

Кадеты, как и эсеры, призывают к единению власти с народом (содействовать укреплению революционной власти) и возлагают на старую власть ответственность за положение с продовольствием. Напомним уже приводимые контексты:

- *... громадное большинство кронштадтского населения... сумеет содействовать укреплению сильной революционной власти... («Русские ведомости» от 27.05.1917).*
- *Одна из причин затруднений... находится в вопросе продовольствия. Вы... знаете, что делала старая власть, и знаете, каково положение продовольственных организаций («Русские ведомости» от 27.05.1917).*

Итак, в издании большевиков формируются следующие смысловые компоненты конструкта *власть*:

- *Советская власть* как обозначение ‘особой формы правления в революционной России’, которая отождествляется с *трудовой республикой, рабоче-крестьянской Россией, трудовым народом, рабочими и крестьянами России*.

- *Советская власть* обозначает феномен, который выступает как ‘одушевленный участник ситуации, источник действия, активный субъект политических действий’, наделяется положительно коннотируемыми свойствами ‘силы, крепости, устойчивости’.

- *Советская власть* – ‘объект признания и веры’.

- Значимы оппозиции: *советская власть* ↔ *контрреволюционеры* (*силы контрреволюции, контрреволюционные банды*), *советская власть* ↔ *тайные монархисты*, *советская власть* ↔ *кадеты*, *советская власть* ↔ *оборонцы*, формирующие общий смысл ‘противостояния всем остальным политическим силам’.

- *Власть* означает также ‘право и возможность подчинять других своей воле’.

В **издании эсеров** формируется содержательная структура конструкта *власть*, которая включает смыслы, выражаемые:

- семантической ролью пациенса номинации, обозначающей конструкт, независимо от того, о какой власти идет речь – *старой* или *новой*, которая ‘назначается и контролируется *демократическими силами*’;

- произвольным противопоставлением роли пациенса, закрепляемой за *властью*, роли агенса, которая закрепляется за общественными объединениями и сословными и внесословными множествами людей;

- преобладанием в сочетании с номинацией *власть* и ее контекстуальными синонимами глагольных и отглагольных форм, не предполагающих физического насилия: *устранены и заменены / устранить / сменяются / смена / создание*;

- определением *нового строя* как *необходимого трудовым массам*.

В издании кадетов формируется значимая для содержательной структуры конструкта *власть* идея ‘права’.

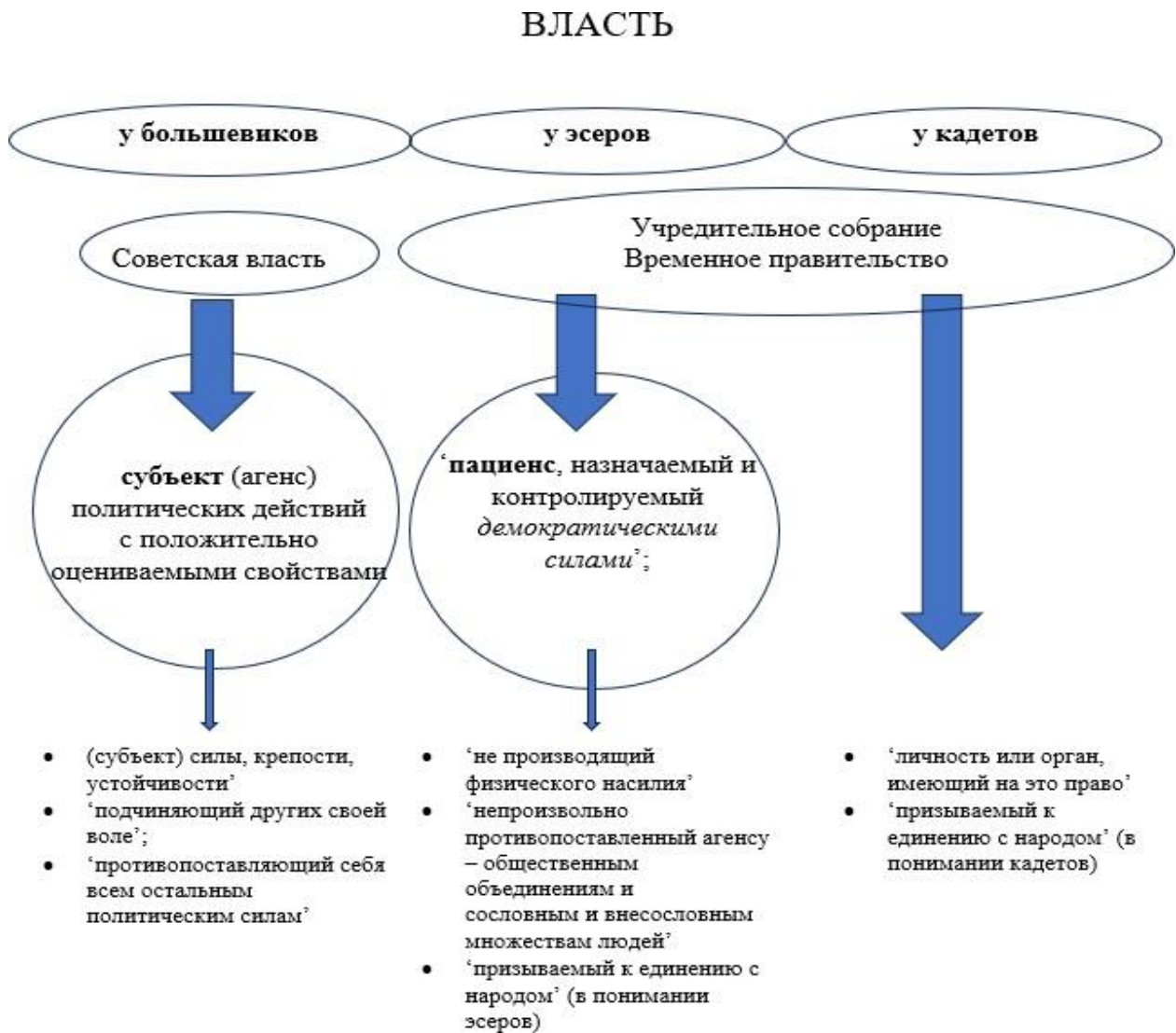

Схема 8. Фрагмент сравнительной модели содержательной структуры конструкта *власть* (новая власть).

2.3 Содержательная структура конструкта *враг* в печати политических противников

В ситуации предельной исторической неопределенности и ожесточенной борьбы за власть конструкт *враг* становится одним из базовых конструктов концептуальной модели социальной действительности, предлагаемой каждой политической силой.

Экономическое благополучие и относительная гармонизация общественной жизни способствуют устранению конструкта *враг* из конкурирующих концептуальных моделей социальной действительности.

В рассматриваемый нами период жизни российского общества конструкт *враг* становится константой противоборствующих концептуальных моделей, однако эта константа может гиперболизироваться или, напротив, редуцироваться, деформируя в разных направлениях соотношение между базовыми конструктами модели – *враг, власть, народ*.

Отобранный материал исследования свидетельствует об асимметрии употребления номинации, обозначающей конструкт *враг*, в политических изданиях большевиков, эсеров и кадетов:

- в публикациях «Красной газеты» номинация *враг* употребляется 22 раза;
- в публикациях «Земли и воли» – 9 раз;
- в публикациях «Русских ведомостей» номинация *враг* отсутствует.

Однако отсутствие номинации *враг* не означает отсутствия смысла ‘враг’, который может выражаться другими способами.

Содержательная структура конструкта *враг* будет нами выводиться через:

- выявление и сравнение семантики атрибутов, используемых с этой номинацией в печати политических противников;
- прояснение и сравнение денотативного значения и объемов номинации *враг*;
- определение и семантический анализ контекстуальных синонимов и антонимов номинации *враг*;
- анализ синтаксической роли номинации *враг* и семантики связанных с ней глаголов.

2.3.1 Сравнительная субмодель атрибутов номинации *враг*

В большевистской прессе в семантике атрибутов номинации *враг* преобладают компоненты ‘опасности’ (*опасный враг, смертельный враг*), ‘силы’ и ‘необузданности’ (*неистовый враг, исступленный враг*), ‘жестокости’, ‘жадности’ и ‘хитрости’ (*враг угрюм и жесток, хищные враги, хищный и коварный враг*), ‘нескончаемости’ (*наши вековечные враги*):

- *Не нужно в эти страшные дни хвастовства, не нужно заносчивости: мы не «закидаем шапками» **опасного врага*** («Ни колебаний, ни сомнений, все к оружию» Красная газета от 02.03.1918).
- *Клянитесь, что вы не дрогнете в последней, решительной борьбе со **смертельным врагом народа*** («Тысяча пятьсот» Красная газета 08.02.1918).
- ***Неистовый враг** стремится взять за горло молодую социалистическую республику* («На два фронта» Красная газета от 02.03.1918).
- *Вы все у кого руки в мозолях! Вас расстреливает **исступленный враг**. Крепко возьмите в эти мозолистые руки оружие и сметите с лица земли **хищного и коварного врага*** («Сегодня день рабоче-крестьянской красной социалистической армии» Красная газета от 10.02.1918 г)!
- *Борьба еще не кончена. **Враг угрюм и жесток*** («Тысяча пятьсот» Красная газета от 08.02.1918).
- *Нужно помнить, что мы окружены со всех сторон **хищными врагами**, которые в любой момент охотно нас растерзают* («Усиливайте Красную Армию!» Красная газета от 24.04.1918).
- *Нам нужна эта армия. Нам нужна она для того, чтобы победить в последней решительной схватке с **нашими вековечными врагами***

(«Сегодня день рабоче-крестьянской красной социалистической армии» Красная газета от 10.02.1918).

Существенное различие между моделями социальной действительности большевиков и эсеров проявляется в использовании атрибутов *врага*: *внешний (враг) – внутренний (враг)*.

Если большевиками *враг* воспринимался прежде всего как угроза социалистическому строю, то есть власти большевиков (*социалистическое отечество и революционная столица в опасности*), то для эсеров важен и враг внешний, который может уничтожить российскую государственность (*угрожает самому существованию России*):

- ***Социалистическое отечество и революционная столица в опасности. Враг у ворот.*** Рабочее население Петрограда, бросив мирные занятия, взялось за оружие и готово грудью защищать столицу от ***неприятельского вторжения*** («Ко всем кадровым офицерам» Красная газета от 02.03.1918).
- ***Наступление врага на фронте, при глубоком настроении внутри государства, угрожает самому существованию России.*** Только небывалыми героическими усилиями может быть спасена родина («Воззвание к населению» Земля и воля от 27.07.1917).

В печати большевиков формируется понятие *внутреннего врага*, действующего поблизости, внутри общества: ***около нас копошатся гады, взять нас изнутри, внутренние враги плетут петлю.***

Но здесь около нас копошатся гады, надеющиеся взять нас изнутри. // Здесь плетут петлю внутренние враги республики («На два фронта» Красная газета от 02.03.1918).

Для эсеров, хотя они признают наличие внутреннего сопротивления со стороны сторонников дореволюционного строя (*старый враг... еще жив, притаился*), основная фаза борьбы осталась в прошлом: *народ победил старую власть, старый внутренний враг... поражен, сломлен.*

- *Старый враг сломлен, но он еще жив; жив в верхах и на низах; он только притаился под натиском революции* (Земля и Воля от 10.03.1917).

- *Революционный народ победил старую власть. Старый внутренний враг, веками угнетавший трудовые классы и разоривший страну, поражен* («Земля и Воля» от 10.03.1917).

2.3.2 Денотативное значение словосочетания *враги революции и его контекстуальные синонимы*

И в модели большевиков, и в модели эсеров *враг* – это ‘враг революции’: *враг нашей и мировой революции; революция будет спасена от врагов; враги, ждущие конца русской революции*. Однако большевики подразумевают под *революцией* октябрьский переворот в первую очередь, в эсеры – февральскую революцию:

- *Только тот, кто понимает, каким врагом нашей и мировой революции являются буржуазные хищники-империалисты всех стран, кто питает священную ненависть ко всем контрреволюционным врагам народа – только тот может быть истинным, преданным солдатом нашей армии* («Нам нужна красная социалистическая армия» Красная газета от 02.02.1918).
- *Если нам удастся довести страну до Учредит. Собрания – революция будет спасена от врагов ея* («Борьба за власть» Земля и воля от 25.10.1917).
- *Все туже и туже затягивается петля на шее русской революции. Нагло и радостно звучат голоса ее врагов, ждущих конца. Уже стоят они, великой и жадной стаей, у ее изголовья, цинично заглядывают в меркнущие глаза и ждут* («У последней черты» Земля и воля 28.11.1917).

Контекстуальным синонимом номинации *враги революции* у большевиков выступает номинация *империалисты* в сочетании с экспрессивным оценочным

атрибутом *хищники* (*враги революции* = *хищники-империалисты*), а также номинация *враги народа* в сочетании с атрибутом *контрреволюционные*.

Содержательная структура конструкта *враг* раскрывается в семантике окружения номинации, обозначающей этот конструкт: *революция будет спасена от врагов, враги ждут конца революции, стоят великой и жадной стаей*.

В области содержательного пересечения конструктов *враг* у большевиков и эсеров оказывается уподобление врага *хищникам*.

У большевиков *враги* (*внутренние враги республики*) уподобляются и пресмыкающимся (*копошатся гады*):

Но здесь около нас копошатся гады, надеющиеся взять нас изнутри. // Здесь плетут петлю внутренние враги республики («На два фронта» Красная газета от 02.03.1918).

Значимым при выведении концептуальных моделей социальной действительности является использование в изданиях большевиков и эсеров словосочетания *враг (враги) народа*, которое закрепится уже в ближайшей истории бывшей Российской империи как понятие не только этическое, но и юридическое.

Анализ контекста позволяет уточнить смысловое содержание этого словосочетания, ставшего устойчивым:

- *Не верьте же никаким провокационным слухам, сообщаемым слугами контрреволюции и врагами трудового народа* («Не верьте провокационным слухам!» Красная газета от 01.03.1918)!

- *Ждите же, истинные враги народа, не могущие примириться с тем, что в первый раз на протяжении веков народ держит власть в своих руках* («Они ждут, притаившись...» Красная газета от 10.03.1918)!

Враги народа – ‘те, кто вместе со слугами контрреволюции’, ‘те, кто не может примириться со властью народа’.

В публикациях эсеров сочетание *враг народа* обозначает ‘тех, кто изначально выступал против революционных преобразований в стране’ и ‘тех, кто сопротивляется действиям Временного правительства’.

Контекстуальным синонимом сочетания *враги народа* в первом значении выступает сочетание *сторонники старого режима*, а во втором – *изменники революции*.

Таким образом, в публикациях эсеров сочетанием *враги народа* обозначаются и те, кто выступают против революции из-за своей приверженности дореволюционному политическому строю, и те, кто предаёт идеалы февральской революции (*изменники революции*) или пытается причинить ущерб ее достижениям (*посягает на установленное народоправство*):

- *Это делают сознательные враги народа, сторонники старого режима. Им выгодно крушение революции. Это делают бессознательно зарвавшиеся друзья народа большевики. Они поднимают вооруженную руку на Временное Правительство («Враги народа» Земля и воля от 05.07.1917).*
- *Отныне будут невозможны темные бунты, происходящие под знаменем большевизма. В России установлено народоправство, и всякий, кто на него посягает – изменник революции, враг народа («На новых позициях» Земля и воля от 09.07.1917).*

В приведенном выше примере обращает на себя внимание оппозиция *сознательные враги народа* ↔ *бессознательно зарвавшиеся друзья народа*.

Первые (*сторонники старого режима*) отдают себе отчет в своих действиях и их последствиях; они заинтересованы в поражении революционных сил и возвращении к прежней форме государственного устройства: *им выгодно крушение революции*.

Сочетание *зарвавшиеся друзья народа* в отношении большевиков указывает на их насильственные методы сопротивления политике Временного правительства (*поднимают вооруженную руку*).

Хотя эсеры напрямую не называют своих политических соперников – большевиков врагами народа, контекст указывает на то, что подразумеваются именно они: *темные бунты, происходящие под знаменем большевизма*.

С точки зрения эсеров, главное завоевание революции – *русская свобода*, возможность самоуправления (*народоправства*), а разобщенность революционных сил способствует уничтожению, окончательной утрате этого достижения (*несет гибель революции, крушение революции*). Ценность свободы для политических воззрений партии эсеров актуализируется в номинации *враг русской свободы*:

Тот, кто мешает сплочению и единению революционных сил-несет гибель революции, тот враг русской свободы («Враги народа» Земля и воля от 05.07.1917).

Контекстуальные синонимы *враг русской свободы* = *тот, кто мешает сплочению и единению революционных сил*, выражающие стремление партии эсеров к консолидации общества вокруг деятельности Временного правительства и единению революционных сил, существенно важны для выведения модели социальной действительности эсеров.

Призыв партии эсеров к консолидации общества резко отличается от риторики большевиков, в которой референтами номинации *враг* выступают не только противники революции (*враги нашей и мировой революции, внутренние враги республики, контрреволюционные враги народа, слуги контрреволюции, враги трудового народа*), сторонники монархии и политики империализма (*тайные монархисты, буржуазные хищники-империалисты*), но также представители всех других революционных партий, выступавших против *советской власти*, понимаемой как диктатура пролетариата: представители партий конституционных демократов (*кадеты*), последователи В. М. Чернова, одного из основателей партии социалистов-революционеров (*социал-демократы и эсеры черновского толка*), представители международного объединения социалистов (II Интернационала), поддержавшие военные усилия

Временного правительства (*оборонцы*), что воспринималось большевиками как предательство интересов рабочего класса.

- *Тайные монархисты, кадеты, оборонцы – социал-демократы и эсеры черновского толка – все сливаются в единодушном желании: увидеть поверженной своего, чуть ли не личного врага – советскую власть, возглавляющую рабоче-крестьянскую Россию* («Они ждут, притаившись...» Красная газета от 10.03.1918).

2.3.3 Сравнительная субмодель денотативного значения номинации *враг*

В то время, как большевики в публикациях «Красной газеты» прямо называют своими врагами (*врагами советской власти*) конкретные политические силы (*тайные монархисты, кадеты, социал-демократы и эсеры черновского толка*), в издании партии эсеров денотат номинации *враг* прямо, как правило не называется: *тот, кто мешается сплочению и единению тот враг; всякий, кто на него [народоправство] посягает... враг.*

Как показывает анализ контекстуальных синонимов и антонимов, большевики отождествляют себя с *русской и мировой революцией, с народом, с трудовым народом*, а все, кто не является большевиком, идентифицируются как *враги*. Отношение к противникам устанавливается в рамках жесткой бинарной оппозиции *большевик ↔ враг*.

Эсеры же идентифицируют себя с *русской свободой, революцией, народоправством, народом*. В отличие от бинарной оппозиции большевиков, рассматривавших всех не-большевиков как врагов, в публикациях эсеров отмечается более сложная, трехчастная градуальная оппозиция:

народ – бессознательно зарвавшиеся друзья народа (большевики) – сознательные враги народа (сторонники старого режима, контрреволюционеры).

Ключевые понятия для эсеров – *сплочение, единение, национальное единство* перед лицом внешних врагов и в разрешении внутренней экономической неустроенности. Враги – ‘те, кто мешает единению революционных сил, особенно с оружием в руках’.

Перед таким единением не страшны будут ни внешней враг, ни внутренняя разруха. Свобода, спаянная национальным единством и воодушевлением, не может быть побеждена («Воззвание к населению» Земля и воля от 27.07.1917).

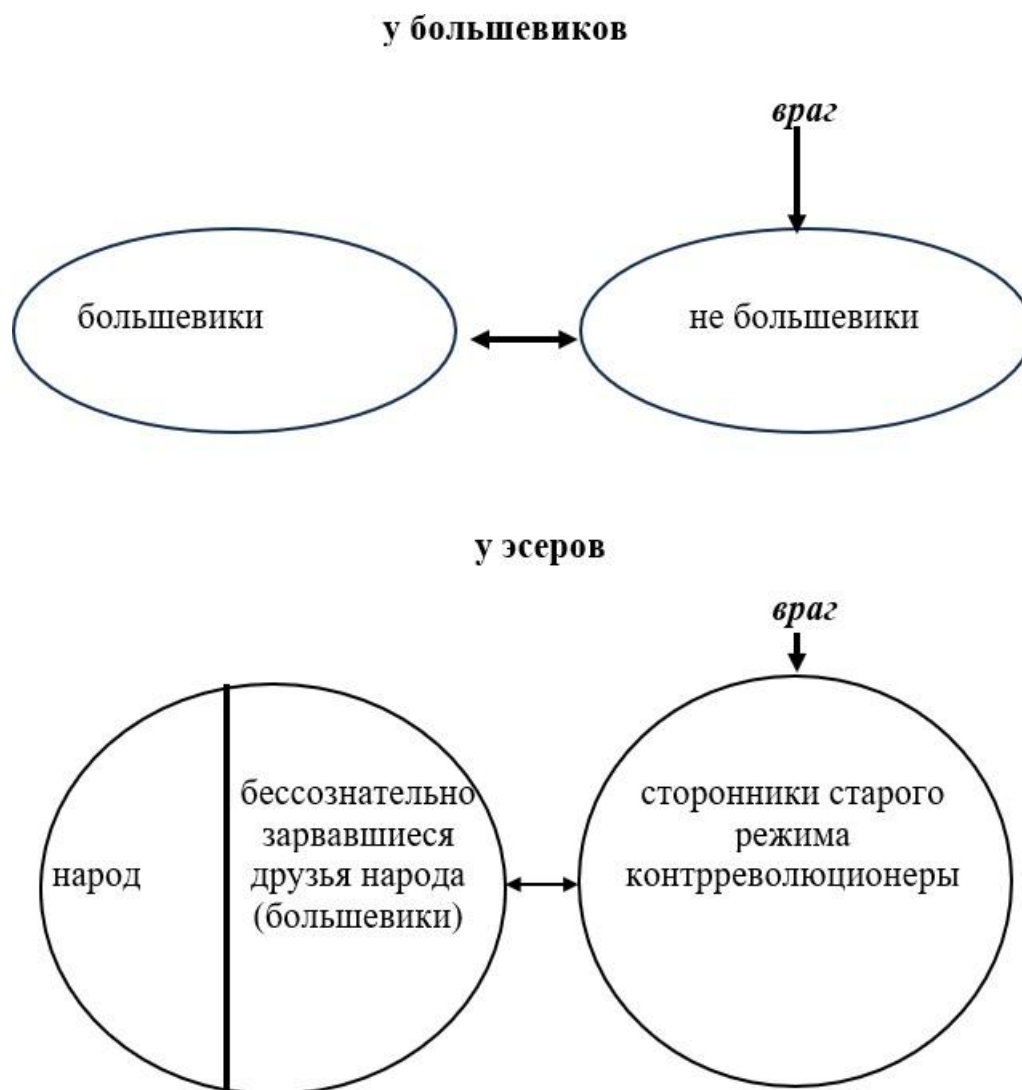

Схема 9. Контекстуальная оппозиция номинации *враг* в периодической печати большевиков и эсеров.

В отсутствии сплоченности и единства эсеры видели основную угрозу революции, а ее спасение – в проведении Учредительного Собрания, предназначением которого было установление основных законов нового государства.

Закрепляемые в печати эсеров смыслы отличаются от смыслов, закрепляемых в печати большевиков.

Стилистические средства, используемые в «Красной газете» при формировании содержательной структуры *внутреннего врага*, отличаются высокой степенью экспрессивности. Экспрессивность реализует функцию убеждения, возбуждая у читателей чувства ненависти (*священная ненависть к контрреволюционным врагам*), гадливости (*копошатся гады*), скрывающейся и открытой опасности (*взять за горло, взять нас изнутри, плетут петлю, увидеть поверженной советскую власть*).

В публикациях большевиков обозначения политических или общественных деятелей, проводящих определенную политику (*империалист*), социальный класс или сословие (*буржуазия*) или общественно-политическое движение (*контрреволюция*) сочетаются с отрицательно окрашенными номинативами *хищники, враги (буржуазные хищники-империалисты, контрреволюционные враги народа)*, которые в результате семантического переноса в контексте большевистской прессы приобретают отрицательную коннотацию: изначально нейтральные номинации, обозначающие социальные явления действительности, приобретают резко отрицательную окраску, например, негативно окрашенная лексема *ненависть*, обозначающая ‘чувство сильнейшей вражды’. сочетается с атрибутом *священный* – ‘обладающий святостью, соответствующий религиозно-нравственному идеалу, возвышенный, почетный, исключительный по важности’. Таким образом, логическая аргументация подменяется риторическим воздействием на эмоции адресата.

2.3.4 Сравнительная субмодель степени субъектности/бессубъектности номинации *враг*

В периодических изданиях партии большевиков номинация *враг* может выступать как в качестве агенса, так и в качестве пациенса, но независимо от синтаксической роли этой номинации, в ее дистрибуции преобладает семантика непримиримой борьбы (*обезвредить врагов = уничтожить*), постоянной угрозы (*враг окружает нас, мы окружены со всех сторон врагами, враг осмелится напасть, нападение врагов, лучшая оборона - нападение*), безоговорочной победы (*полная победа над всеми врагами, враги сдаются, признают себя побежденными*):

- **Врагов** нужно сделать безвредными. Самый лучший способ **обезвредить** их – **уничтожить** («На два фронта» Красная газета от 02.03.1918).
- Мы призывали не на шутку готовиться к **неизбежной борьбе**. Готовиться всячески. Вооружаться, организовываться, налаживать дороги, заводы, продовольствие. Меньше слов – больше дела. **Враг окружает нас со всех сторон** («Новые ударники» Красная газета от 09.03.1918).
- Нужно помнить, что мы **окружены со всех сторон хищными врагами**, которые в любой момент охотно нас **растерзают** («Усиливайте Красную Армию!» Красная газета от 24.04.1918).
- В любой момент может создаться такое положение, когда нам придется, несмотря на всю нашу слабость, **начать снова борьбу с тем врагом, который первый осмелится напасть на нас** («1-е мая и оборона Петрограда» Красная газета от 24.04.1918).
- Мы не ждали **нападения врагов**. Лучшая оборона – знали мы – **нападение**. Мы напали первыми. И победа явно склоняется на нашу сторону («Восстание трудовых масс» Красная газета от 03.02.1918)!

- ... *эта борьба сейчас заканчивается. И заканчивается **полной победой** трудового народа **над всеми его врагами*** («Подавление контрреволюции» Красная газета от 20.04.1918).
- ***Враги народа сдаются! – Хорошо! Они признают себя побежденными? Великолепно*** («Восстание трудовых масс» Красная газета от 03.02.1918)!

В публикациях «Красной газеты» среди глаголов, с которыми сочетается номинация *враг* в роли субъекта, преобладает семантика жестокости (*враг жестоко учит, враги охотно нас растерзают*), борьбы (*врагу удалось разбить, враг стремится взять за горло*), убийства (*вас расстреливает испуганный враг, враги плетут петлю*). В других примерах:

- *Всем нам пора подтянуться! Нас **жестоко учит** сильный, организованный **враг**. Пора стряхнуть с себя разгильдяйство* («Новые ударники» Красная газета от 09.03.1918)...

- *И лишь в том случае, если бы врагу удалось **разбить** стоящие на его пути **революционные отряды** и появиться у самых врат столицы – лишь в этом случае можно было бы думать о переезде кого бы то ни было в другой город для организации дальнейшей борьбы с **германскими буржуазными бандитами*** («Не верьте провокационным слухам!» Красная газета от 01.03.1918).

Степень опасности передается при помощи образных выражений *враг у ворот, у самых врат столицы*. Наступающему противнику противостоят *рабочее население и революционные отряды* – в атрибутах *рабочее, революционные* подчеркиваются классовые характеристики субъектов.

В тех контекстах, где в публикациях большевиков *враг* выступает как объект воздействия, аудитории внушается, что представление о том, что врага легко одолеть обманчиво (*не закидаем шапками*), и только физическое уничтожение врагов (*уничтожить, смести с лица земли*) лишает их возможности причинять вред (*сделать безвредными, обезвредить*):

- *Не нужно в эти страшные дни хвастовства, не нужно заносчивости: мы не «закидаем шапками» опасного врага* («Ни колебаний, ни сомнений, все к оружию» Красная газета от 02.03.1918).
- *Крепко возьмите в эти мозолистые руки оружие и сметите с лица земли хищного и коварного врага* («Сегодня день рабоче-крестьянской красной социалистической армии» Красная газета от 10.02.1918)!

Помимо прямого словарного значения номинации *враг* ('человек, борющийся за противоположные интересы, противник, стремящийся причинить вред') у большевиков встречается употребление этого слова в переносном значении для обозначения 'всего, что приносит вред, неприятности, зло' (словарь Д.Н. Ушакова).

Отряд уже выступает на фронт. Его фронт – на железнодорожной сети России. Его враг – российское бездорожье, российская разруха. Его оружие – дисциплина, энергичная осмысленная работа, усиление производительности труда («Новые ударники» Красная газета от 09.03.1918).

В этом смысле *врагом* большевистская пресса называет расстроенное экономическое хозяйство и отсутствие проезжих дорог в стране (*российское бездорожье, российская разруха*).

В большевистской прессе враг предстает как активный источник угрозы и субъект враждебных действий, в публикациях эсеров номинация *враг* по большей части выступает в роли пациенса.

Использование отглагольного существительного вместо глагола с семантикой агрессии (*наступление врага угрожает России* вместо *враг угрожает России*) снижает уровень субъектности номинации *враг* и тем самым ослабляет степень эмоционального воздействия на читателя.

Выводы по главе 2

Осуществленная реконструкция содержательной структуры базовых конструкторов моделей социальной действительности позволила выявить различный характер соотношения между самими конструктами *народ*, *власть*, *враг* в разных моделях, что, в свою очередь, позволило вывести целостную содержательную структуру каждой концептуальной модели социальной действительности.

Необходимо отметить, что сравнение как метод применялось на всех этапах моделирования, начиная со сравнения значений, зафиксированных толковыми словами и контекстуально формируемых, а не только при выведении сравнительных субмоделей и целостной сравнительной модели.

Сравнение позволило установить концептуально значимые для каждой модели свободные валентности, среди которых:

- значимое отсутствие в модели кадетов в содержательной структуре конструктора *народ* смысла ‘занимающиеся физическим трудом’ на фоне усиленного закрепления этого смысла в модели большевиков и устойчивого присутствия – в модели эсеров;

- значимая интенсивная редукция в модели большевиков смысла ‘субъектность’ в содержательной структуре конструктора *народ*;

- значимое отсутствие в модели большевиков в содержательной структуре конструктора *власть* смысла ‘ответственность’;

- значимая асимметрия содержательных структур моделей большевиков и эсеров (в соотношении содержания конструкторов *народ* и *власть*), выведенная на более высоком уровне рефлексии благодаря обнаруженному отсутствию смысла ‘субъектность’ в содержательной структуре конструктора *власть* у эсеров на фоне активного присутствия смысла ‘объектность’;

- значимое отсутствие в модели большевиков смысла ‘демократия’ на фоне его актуализации в модели эсеров;

● значимое вытеснение конструкта *враг* из актуализированного ядра модели социальной действительности кадетов и ряд других.

Поскольку выведенная нами модель знаковая, описательная, она представлена текстом второй главы диссертации, хотя уже в первой главе определяются основные конструкты модели.

Мы уже отмечали, что концептуальная модель социальной действительности не может не быть структурной. Причем речь идет о структурах разного уровня: содержательной структуре каждого конструкта модели и общей структуре, определяемой особенностями соотношения конструктов между собой.

Каждый из конструктов в моделях социальной действительности политических противников обнаруживает концептуальные различия, выражаемые в асимметрии денотативных, качественных и оценочных характеристик обозначающей этот конструкт номинации.

Так, содержание конструктов *народ*, несмотря на общность обозначающей его номинации, концептуально различно в разных моделях социальной действительности.

В модели большевиков *народ*:

‘социально ограниченная группа: прежде всего рабочие, далее солдаты, далее беднейшее крестьянство’, противопоставляемая *не-народу* (буржуазии, духовенству, помещикам).

В модели эсеров *народ*:

— ‘прежде всего, трудовое крестьянство, лишенное прав, особенно земельных, далее рабочие’;

— ‘объект заботы’, однако с ‘потенциалом организованности’ и ‘субъектности’.

В модели кадетов *народ*:

— ‘все граждане России’;

- ‘источник легитимности власти’;
- с наиболее высокой степенью ‘субъектности’ и ‘гражданственности’.

Концептуальные различия обнаруживаются и в содержательной структуре конструкта *власть*.

В модели социальной действительности большевиков *власть*:

- ‘власть большевиков’;
- ‘субъект действия’;
- ‘объекты ее действия — народ и враг’;
- ‘имманентно сильная’.

В модели социальной действительности эсеров *власть*:

- ‘коалиционная (Временное правительство, Учредительное собрание)’;
- ‘объект при демократии как субъекте’;
- ‘ответственность как безусловное требование к власти’.

В модели социальной действительности кадетов *власть*:

- ‘легитимность и моральность как безусловные требования к власти’;
- ‘источник власти — *воля всего народа*’;
- ‘единство власти и народа (всего общества) как необходимость’.

Контекстуальные оппозиции ярче всего выражены у большевиков (*советская власть* ↔ *контрреволюционеры / мягкотелые люди / все другие партии*), тогда как у эсеров ключевой является оппозиция *новая власть* ↔ *старая власть*.

В модели социальной действительности большевиков:

враг — ‘все не-большевики, требующие бескомпромиссного уничтожения’.

Модель социальной действительности большевиков строится на жесткой бинарной оппозиции «свой – чужой», определяющей выбор стилистических средств.

В модели социальной действительности большевиков закреплена более сложная, градуальная оппозиция: различаются враги по степени враждебности и опасности.

Основной маркер врага в модели эсеров — ‘действия, мешающие сплочению революционных сил и угрожающие завоеваниям Февральской революции’.

В модели социальной действительности кадетов конструкт *враг* занимает позицию, близкую к свободной валентности.

Заключение

В ходе исследования при помощи выведения концептуальных моделей, реконструирующих смысловые слои, формируемые в текстах периодических изданий трёх ключевых политических сил эпохи русских революций (1917–1920 гг.) — большевиков, эсеров и кадетов, нам удалось не только прояснить социальную действительность в том виде, в котором ее хотели представить широким слоям читающей прессу публики каждая из данных социально-политических сил, но и, установив свободные валентности, вскрыть умалчиваемые сущностные характеристики, обнажая несоответствие между видимым и сущностным.

Предлагаемые в данном исследовании модели и их интерпретация позволили вывести на новый уровень понимание социальной действительности того времени, спроецировав на нее свойства выведенных моделей, и наглядно продемонстрировали пути и методы работы со словом в политических целях в публицистических изданиях.

В ходе исследования было уточнено соотношение понятия метода моделирования и философской категории отражения. Была обоснована идея, согласно которой модель, в отличие от отражения, является независимым, автономным аналогом оригинала, который позволяет вывести на необходимый уровень осознания сущностные свойства изучаемого объекта за счёт редукции второстепенных признаков. Применение такого подхода к текстовому материалу дало возможность рассматривать газетные тексты не просто как зеркало событий, а как инструмент целенаправленного конструирования реальности.

Для достижения этой цели были определены ключевые конструкты моделируемой действительности. Ими стали конструкты *народ*, *власть* и *враг*, которые выступили системообразующими элементами всех трёх моделей.

Установление содержательной структуры этих конструктов проводилось на основе разработанного в диссертации алгоритма, включающего анализ атрибутивного окружения, денотативного объёма, контекстуальных синонимов и синтаксических функций. Данный алгоритм доказал свою эффективность для объективации скрытых ценностных установок.

Были определены области симметрической тождественности и симметрической разности семантики номинаций, обозначающих конструкты. Сравнительный анализ показал, что за внешне тождественными и подобными знаками скрываются глубокие концептуальные расхождения.

Конструкт *народ* у большевиков имеет социально ограниченное смысловое наполнение (рабочие и беднейшее крестьянство). У эсеров акцент идет на крестьянство как на пациента (освобожденный народ). У кадетов *народ* выступает как универсальная нация-субъект (свободный народ).

Конструкт *власть* у большевиков отождествляется с диктатурой одной партии (вся власть советам), у эсеров — с коалиционным строительством, у кадетов — с легитимной правопреемственностью (воля всего народа);

Конструкт *враг* у большевиков тотален и дегуманизирован (бинарная оппозиция «свой—чужой»). У эсеров конструкт представлен трёхчастной градацией (сознательные враги справа и «бессознательно зарвавшиеся друзья» слева), у кадетов полностью вынесен из общественной структуры — внешний враг).

Была построена система из двенадцати субмоделей, учитывающих атрибуты, денотативные значения, контекстуальные синонимы и степень субъектности/бессубъектности для каждой из трёх номинаций, обозначающей конструкты. Эта система моделирования позволила не

только выявить различия изучаемого объекта исследования по каждому из параметров, но и реконструировать целостные, непротиворечивые модели реальности каждой политической силы. Можно утверждать, что представленная в работе системная модель, которая носит сравнительный характер, является высоко информативной. Во-первых, она отображает параметры сравнения и демонстрирует сущностные сходства и различия по каждому из них. Во-вторых, она позволяет вывести на уровень ясного понимания представленную в печати целостную концептуальную модель социальной действительности каждой политической силы—большевиков, эсеров, кадетов. Социальные структуры общества, которые представлены в публицистических текстах в неявном виде, в концептуальной модели вполне определенно опираются на три столпа: власть, народ и враг. Суть предложенных моделей можно описать следующим образом.

- Модель социальной действительности у большевиков (на материале «Красной газеты»).

В большевистской модели социальная действительность строится на жёсткой классовой оппозиции. Денотативное значение номинации *власть* денотативно отождествляется с советской властью как диктатурой пролетариата, принадлежащей одной партии. Эпитеты «советская, новая, железная, сильная» подчёркивают её монолитность и активную роль. Синонимы «трудовая республика, рабоче-крестьянская Россия» усиливают связь с классом, а оппозиции противопоставляют её всем небольшевистским силам (контрреволюционеры, меньшевики, эсеры, кадеты, «мягкотелая интеллигенция»). Власть неизменно выступает агенсом (ведёт борьбу, согласилась прекратить войну).

Народ понимается денотативно ограниченно. Это исключительно «трудовой народ» (те, кто занимается физическим трудом, рабочие, солдаты, беднейшее крестьянство), противостоящий «нетрудовым элементам» (буржуазия, духовенство, угнетатели). Атрибуты «трудовой,

рабочий» подчёркивают классовую принадлежность, а в сочетании с определением «тёмный» (народ, поддающийся влиянию врагов) проявляется его пассивность. Контекстуальные синонимы выстраивают иерархию субъектности: «население» надделено более активной ролью («население взялось за оружие»), тогда как «люди» («бедный трудовой народ») обозначает предельно бессубъектную массу, объект эксплуатации или заботы. В синтаксическом отношении лексема народ часто выступает пациенсом, хотя встречаются и активные конструкции, где явно просматривается семантический элемент, связанный с идеей борьбы («народ вырвал обещание, опрокинул»).

Враг, в представлении большевиков, тотален; любой небольшевик объявляется врагом — от «хищников-империалистов» до эсеров. Атрибуты «внутренний, контрреволюционный, хищный» и синонимы «гады, хищники-империалисты, враги народа, слуги контрреволюции» дегуманизируют противника, уподобляя его животным или пресмыкающимся. Враг активен, действует изнутри («копошатся гады, плетут петлю»), что требует его физического уничтожения.

- Модель социальной действительности у эсеров
(на материале газеты «Земля и воля»)

Эсеровская модель ориентирована на общенародное единение и демократическое строительство. *Власть* понимается как коалиционная, демократическая, опирающаяся на широкие слои. Атрибуты «коалиционная, новая, нарождающаяся, демократическая» подчёркивают её переходный и собирательный характер. Синоним «правительство восставшего народа» связывает её с революционной легитимностью. Оппозиция «старая власть ↔ новая власть» подчеркивает идею преемственности от февральской революции к последующим преобразованиям: старая власть — внутренний враг, новая — объект поддержки общества. В синтаксическом отношении лексема «власть» чаще

выступает как пациент (старая власть свергнута, устранена), что отражает её зависимость от воли народа.

Народ денотативно — это «трудовой народ» с акцентом на крестьянство, причём народ только что освобождён от старого гнёта, что фиксируется атрибутом освобождённый (страдательное причастие, указывающее на внешний источник свободы). Атрибут «трудовой» также встречается достаточно часто. Контекстуальные синонимы «население» и «граждане» обладают более высокой степенью субъектности: население выступает объектом заботы («наладить продовольствие для благополучия населения»), но нельзя говорить об абсолютной пассивности населения. Сам народ выступает источником власти, однако его интересы ещё предстоит организовать партии, поэтому в составе синтаксических конструкций он часто остаётся пациентом («освобождённый народ»).

Враг у эсеров имеет трёхчастную градацию: «сознательные враги» (сторонники старого режима) и «бессознательно зарвавшиеся друзья» (большевики, которые своими радикальными действиями разрушают единство). Атрибуты «старый, сознательный, бессознательный» и синонимы «враги народа, сторонники старого режима» наиболее очевидно демонстрируют сложный характер отношения эсеров к феномену врага: враг ещё жив, но сломлен («старый враг поражен, но притаился»); большевики не враги, а заблудшие друзья, мешающие национальному единению.

- Модель социальной действительности кадетов
(на материале газеты «Русские ведомости»)

У кадетов модель представляет собой либерально-демократическое видение действительности, основанное на идее нации-субъекта и правовой легитимности. *Власть* в этой модели занимает периферийное положение: обсуждение смещено на государственные институты и правовые нормы. Денотативно власть получает мандат «волею всего народа» и должна

действовать в рамках закона. Атрибуты «сильная революционная власть» появляются в контексте внешней угрозы, атрибут «народная» употребляется как качественное прилагательное, выражающее принадлежность народу. Оппозиции сглажены: внутренние политические разногласия трактуются не как вражда, а как дискуссия.

Народ денотативно трактуется универсально — это все граждане России («воля всего народа»). Атрибуты «свободный, революционный» (качественные прилагательные) подчёркивают имманентную, неотъемлемую субъектность нации. Контекстуальные синонимы «население, публика, люди земли, граждане» обладают высокой степенью субъектности: «публика приветствовала, люди земли съехались» Это активные участники событий. Народ — активный субъект исторического действия, источник легитимности любой власти.

Враг вынесен вовне: главный враг — внешний (германский империализм), угрожающий суверенитету страны. Атрибут «внешний» и синонимы «германцы, внешний враг» указывают на эту направленность. Внутренние противоречия рассматриваются как досадные недоразумения, мешающие национальному единству перед лицом внешней угрозы.

В завершение отметим, что разработанный в диссертации алгоритм лингвистического анализа, основанный на общенаучной системологической методологии, позволил не только реконструировать каждую из трех моделей действительности в отдельности и построить сравнительные модели, но и предложить универсальную модель.

Выведенные модели позволили доказать, что за внешне схожими формами выражения скрываются глубокие, сущностные различия в понимании социальной реальности. Они подтвердили высокий объяснительный потенциал метода моделирования в исследовании текстов с учетом их антологической сущности. Создание сравнительных моделей, воспроизводящих скрытые различия в представлениях трех социально-

политических сил о реальной действительности того времени, дает возможность охарактеризовать каждую из этих сил и увидеть, каким образом и за счет чего в публицистике конструируются требуемые образы реального мира.

Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу: в политически ангажированных текстах, сознательно деформирующих действительность в целях борьбы за власть, произвольно и наиболее ярко отразились подлинные ценностные установки и стратегические цели их создателей. Метод концептуального моделирования доказал свою высокую объяснительную способность для объективации этих установок и выявления механизмов идеологического воздействия на сознание человека в переломные моменты истории.

Тема диссертации позволила объединить методы лингвистики, истории (контекст событий), социологии (общественные настроения и психология масс). Проведенный анализ приемов речевой агрессии, дегуманизации противника, лозунговости и манипуляции в российской прессе начала XX века помогает понять природу современных информационных войн.

Перспективы проведенного исследования связаны с возможностями:

- дальнейшей экстраполяции универсальной системной методологии Г.П. Мельникова на изучение текстов разной этиологии;
- применения разработанной в диссертации системы методов, детерминированной методом моделирования, в исследовании политически ангажированных текстов разных исторических срезов;
- использования выведенной универсальной концептуальной модели социальной действительности, воспроизводимой в том или ином варианте средствами массовой информации в периоды исторической неопределенности, для лингвистических, политологических и социальных исследований;

- дальнейшей интерпретации лингвистами, историками, социологами выведенных концептуальных моделей социальной действительности большевиков, эсеров и кадетов, сравнительной модели и универсальной модели.

Литература

1. Агеева Е.А. Московская периодическая печать в 1917–1918 годы: проблема взаимодействия с новой властью // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2013. №3 (11). С. 70–82.
2. Ахмадулин Е. В. Пресса России в годы революций 1917 года: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. 158 с.
3. Барсов Н.И. Проповедь // Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 - х тт.: Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 671 с.
4. Басистов Н. С. Освещение городским периодическим изданием «Красная газета» политики руководства Ленинграда в области жилищного и социального строительства во второй половине 1920-х гг. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы всерос. научн. конф. СПб. 2019. Вып. 10. С. 127–131.
5. Бахтин М. М. Риторика в меру своей лживости // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т.5. С.63–70.
6. Бачурин В.Д. Манипулятивные технологии, применяемые сми в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. №4(50). С. 99–104.
7. Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны и революции (1914–1920 гг.). СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2009. 328 с.
8. Беркнер С. С. Язык как инструмент власти // Эссе о социальной власти языка / общ. ред. Л. И. Гришаевой. Воронеж: 2001. С. 85—89
9. Богданова Е. М. Газета «Русские ведомости» как образец качественной прессы в XIX-XX вв. // Молодой учёный, 2011. № 8(31). Т. 2. С.163–166.
10. Богданова О.А. Об особенностях художественно– публицистического дискурса журнала «Народоправство» (1917–1918 гг.) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 184–203.

11. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь: ТвГУ, 2001. 731 с.
12. Бодуэн де Куртенэ И.А. Знаки // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд. АН СССР, 1963. С.352–353.
13. Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 54–67.
14. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. СПб.: Научное издание, 2020. 464 с.
15. Будаев Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. № 3(87). С. 22–36.
16. Будаев Э. В., Чудинов А.П. Историческая динамика политической метафоры [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2006. <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-dinamika-politicheskoy-metaforiki/viewer> (дата обращения: 05.04.2026).
17. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки периода октябрьской революции и гражданской войны (1917-1925 гг.) // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 168–178.
18. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2010. 376 с.
19. Буряковская А.А., Туркова Т.А. Лексические особенности языка политики. [Электронный ресурс] // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-osobennosti-yazyka-politiki> (дата обращения 05.04.2026).
20. Буянова Л.Ю. Дискурс: социокоммуникативные и культурогенные параметры интерпретации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1. С. 7–14.
21. Валентинова О.И. Словесный образ как культурный знак в языке, искусстве, интеллектуальной журналистике (о книге М.Л. Новиковой

- "Онтология искусства поэтического слова и остраннение") // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 379–386.
22. Валентинова О.И. Смыслоформирующий контекст как основа достоверного понимания // Языковая системология: к 85-летию профессора Г.П. Мельникова. М.: РУДН, 2013. С. 20–26.
23. Валентинова О.И. Обоснование причинной типологии текстов. Постановка проблемы и пути ее решения // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 2. С. 29–35.
24. Валентинова О.И. Форма как смыслоформирующая сила // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: сборник научных статей в 2-х частях. Ч. 1. М.: РУДН, 2014. С. 190–195.
25. Валентинова О.И., Никитин О.В. Двуязычная природа русского литературного языка в научной полемике и словесной культуре XVIII века // Филологические науки. 2021. №6 (2). С. 192–198.
26. Валентинова О.И., Никитин О.В. Метакультурные константы и связи старообрядцев Тувы (на материале путевых записей археографической экспедиции Н.Н. Покровского 1967 г.) // Новые исследования Тувы. 2021. №3. С. 195–209.
27. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть первая) // Полилингвильность и транскультурные практики. Языкознание и литературоведение. 2021. Т. 18. (2). С. 130–142.
28. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18 (3). С. 234–244.
29. Валентинова О.И. Общая теория систем Г.П. Мельникова как научная универсалия // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 5. С. 7–16.

30. Валентинова О.И. Перспективы экстраполяции системологии Г.П. Мельникова на исследование текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т 16. № 3. С. 700–716.
31. Валентинова О.И. Семиотика полифонии. М.: РУДН, 2005. 258 с.
32. Валентинова О.И. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Языки славянских культур, 2016. С. 171–301.
33. Валентинова О.И. Стилистические знаки полифоничного текста // Acta universitatis lodziensis. Folia litteraria rossica. 2022. Т. 15. С. 275–282.
34. Валентинова О.И., Рыбаков М.А., Ширококов А.Н. Типы моделей и их объяснительные возможности (на примере моделирования систем вокализма некоторых тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 148–162.
35. Ван На. Текстовое семантическое поле как объект и метод исследования художественного текста: на материале романа И.С. Тургенева "Дворянское гнездо": дис...канд. филол. наук: 10.02.01. РУДН, 2021. 141 с.
36. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
37. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
38. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
39. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 189 с.

40. Гаврилов Л.А. О функции воздействия массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 49–55.
41. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
42. Гапарова Ч.А., Куйчиев А.С., Мадумарова М.К. Способы использования разговорной лексики в публицистическом стиле // International Journal of Humanities and Natural Sciences: Филологические науки. 2021. Vol. 10-1 (61). С. 137–141.
43. Гао Л. Идеологизация русского языка после революции 1917 г. (по материалам «Красной газеты») // Litera. 2024. № 12. С. 135–147.
44. Гейченко С.А. Повествовательная структура русского философского текста: лингвистика нарратива (на материале сочинений П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева): автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2013. 32 с.
45. Гзгзян Д.М. Функции предлога в составе семантической структуры слова: автореф. дис...канд. филол. наук. М.: РУДН, 1989. 16 с.
46. Гладкова А. Русская культурная семантика. Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянских культур, 2010. 304 с.
47. Глухова А.В. Политическая конфликтология между старыми и новыми подходами // Современная конфликтология в контексте культуры мира. М.: URSS, 2001. С. 17–85.
48. Глушко И.Н. Применение тематического моделирования для оптимизации процесса поиска релевантных исторических документов (на примере биржевой прессы начала XX в.) // Историческая информатика. 2023. №2. С. 129–143.
49. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. Учебное пособие [Электронный ресурс] // 2011. http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/russian-styles.shtml (дата обращения: 23.11.2021)

50. Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты периода триумфального шествия советской власти и начала Гражданской войны. 25 окт. 1917 – июль 1918: дис канд. ист. наук. М.: МГУ, 1969. 193 с.
51. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ / Общ. ред. Ю.А. Бельчикова. М.: РУДН, 2010. 300 с.
52. Гришаев О.В. Начало большевистской политизации и идеологизации исторического знания (1917-1919 гг.) // Успехи современной науки. 2014. Т.4. № 2. С. 162–165.
53. Гришаева Л.И. Взаимодействие номинативных и дискурсивных стратегий в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2006. <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-nominativnyh-i-diskursivnyh-strategiy-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 05.04.2026).
54. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / Совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Москва: Олма-Пресс: Красный пролетарий, 2004. 700 с.
55. Даниленко В.П. Методы лингвистического анализа: курс лекций. М.: Флинта: Наука, 2011. 280 с.
56. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М: Прогресс, 1988. С. 153–211.
57. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 52–67.
58. Дерягина С.И. Типологическая характеристика периодических изданий и их воздействие на читателя. [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. <file:///C:/Users/User/Downloads/tipologicheskaya-harakteristika-periodicheskikh-izdaniy-i-ih-vozddeystvie-na-chitatelya.pdf> (дата обращения 05.04.2026)

59. Добровольский А.В. Об эволюции тактики правых эсеров Сибири в 1919 г. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № (38). С. 127–132.
60. Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н. Медиаобраз деревенского престольного праздника «Ильин день» в лингвокультурологическом и лингвоэпистемологическом аспектах // Вестник ЧГУ. 2020. №5 (98). С. 19–37.
61. Дремов А.Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста: дис... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: 1984. 189 с.
62. Дюркгейм Э. Метод социологии. [Электронный ресурс] // 2008. <https://socioline.ru/pages/e-dyurkgejm-metod-sotsiologii> (дата обращения: 14.03.2026)
63. Егорова Н. С. Революции 1917 года в России на страницах газеты «Московский листок». [Электронный ресурс] // Революции 1917 года в России на страницах газеты «Московский листок». <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsii-1917-goda-v-rossii-na-stranitsah-gazety-moskovskiy-listok-1> (дата обращения 05.04.2026).
64. Ерофеева И.В. Правда и истина в пространстве медиатекста: дихотомия справедливости // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2014. № 4(40). С. 84–91.
65. Есин Б.И., Кузнецов И.В. Триста лет отечественной журналистики (1702–2002). М.: Изд-во МГУ, 2002. 224 с.
66. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2012. 368 с.
67. Загуменнов А.В. Русский раскол и русская революция: семиотические модели идеологизации языка и текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 3. С. 800–814.
68. Загуменнов А.В. Герменевтико-феноменологический аспект изучения языковой личности: к постановке проблемы. [Электронный ресурс] //

- Science Journal of VolSU. Linguistics. 2017. Vol. 16. No. 1.
<https://l.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/426-science-journal-of-volsu-linguistics-2017-vol-16-no-1/diskussii/1472-zagumennov-a-v-germenevtiko-fenomenologicheskij-aspekt-izucheniya-yazykovej-lichnosti-k-postanovke-problemy> (дата обращения 05.04.2026)
69. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
70. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: ТГУ, 2001. 177 с.
71. Зверева Я.В. Реализация модели герменевтического круга в интерпретации текстов // Вестник ЧГУ: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 32. № 17. С. 38–41.
72. Звягина Е. С. Принципы организации семантики политического слова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского: Филология. Социальные коммуникации. 2013. Том 26(65). № 1. С. 209-214
73. Зеликина Н.С. Стилистика российской газетно-журнальной периодики 1920-х годов и социально-политический дискурс / Язык и стиль СМИ: учеб. пособие / сост. К. И. Шарафадина. СПб.: СПб ГУП, 2016. С. 18–36.
74. Зубков И. Ю. Историческая культура России переходных эпох (конец XIX – начало XXI в.). СПб.: Алетейя, 2021. 340 с.
75. Играев Б. А., Речицкий Л. А. Сообщество журналистов России между двух революций // Журналист. Социальные коммуникации. 2019. № 4 (36). С. 90–104.
76. Ильин Ю.В. Понятие концептуально-вербального конструкта. [Электронный ресурс] // Вестник Вятского государственного университета. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontseptualno-verbalnogo-konstrukta?ysclid=mnm921cj4k256732201> (дата обращения 05.04.2026).
77. Калинин И.М. Русская Вандея. Москва–Ленинград: Государственное издательство, 1926. 359 с.

78. В. А. Каменева. Теоретические основы идеологических исследований. Краткий обзор // Политическая лингвистика. 2017. № 3(63). С. 16–20.
79. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2004. 261 с.
80. Карпачев С.П. История России: краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2013. 272 с.
81. Карцевский С.О. Язык, война и революция. Берлин: Русское универсальное издательство, 1923. 72 с.
82. Касумова М.Ю. Языковая политика: дискурсы и практики. [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-diskursy-i-praktiki> (дата обращения 05.04.2026).
83. Кипенко М.В. Лексическая объективация концепта ‘власть’ в языке газеты «Комсомольская правда» // Гуманитарные науки. Филология. Вестник ТГУ. Выпуск 4 (84). 2010. С. 248–245.
84. Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. №3. С. 93–95.
85. Киров Е.Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Science Journal of VolSU. Linguistics. 2018. Vol. 17. No. 2. С. 15–25.
86. Киров Е.Ф. Теоретические проблемы моделирования языка. М.: URSS, 2024. 264 с.
87. Киров Е.Ф. Фонология языка. Ульяновск: УлГТУ, 1997. 551 с.
88. Клушина И.М. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. 242 с.
89. Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо, 2022. 912 с.
90. Кобылко Я. Русская и польская политологические терминосистемы (по материалам современной лексикографии и текстов СМИ): дис...канд. филол. наук: 10.02.01. РУДН, 2019. 210 с.
91. Козловская Е. С. Особенности моделирования действительности в защитительных текстах эпохи судебной реформы Александра II: дис...канд. филол. наук: 10.02.01. РУДН, 2019. 147 с.

92. Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник ЧГУ: Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 67–69.
93. Колодина Н.И., Победа А.Ю. Уровни осознанности когнитивного конструкта (на материале исследования концепта ПАТРИОТИЗМ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Вып. 10. С. 3293–3300.
94. Колтунова Е. А. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации // Неофилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 218–227.
95. Конбой М. Технология и язык прессы. Перестройка общественного мнения / пер. с англ. С.А. Еерминой // Политическая лингвистика. 2015. № 4(54). С. 171–173.
96. Кондаков Н.И. Язык газеты. Практическое руководство и справочное пособие для газетных работников. М.: Гизлегпром, 1941. 464 с.
97. Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. [Электронный ресурс] // 2017. <https://rabkrin.org/kornfort-m-otkryitaya-filosofiya-i-otkryitoe-obshhestvo-otvet-popperu-kniga/> (дата обращения 14.03.2026).
98. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
99. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: МГУ, 1971. 267 с.
100. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
101. Костякова Ю. Б. Политическая полемика в региональной прессе: опыт 1917 года // Журналистика и политика: взаимодействие и взаимовлияние.

- Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. 2019. № 18 (6). С.42–46.
102. Косых Е.Н. Предчувствие гражданской войны в Сибирской буржуазно-кадетской периодике конца 1917 г // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2018. №52. С. 15–19.
103. Котюрова М.П. Субъектность речи (текста) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Отв. ред.: М.Н. Кожина. М.: Флинта, 2006. С. 517–523.
104. Краткий философский словарь / Отв. ред.: А.П. Алексеев. М.: ТК Велби. Проспект, 2008. 496 с.
105. Краснова Т. И. Оппозитивы старое / новое, темное / светлое в газетном дискурсе эмигрантской печати (1918-1921). [Электронный ресурс] // Филология и человек. 2014. №3. <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitivy-staroe-novoe-temnoe-svetloe-v-gazetnom-diskurse-emigrantskoy-pechati-1918-1921> (дата обращения 05.04.2026).
106. Крашевская Н.В. Синтагматико-парадигматические отношения содержательных элементов философского текста: дис...канд. филол. наук: 10.02.01. М.: РУДН, 1989. 181 с.
107. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика: учебное пособие для вузов: В 2-х кн. Кн. 1: Теория. М.: Высшая школа, 2006. 319 с.
108. Крылова О.А. Основы функциональной стилистики русского языка: Пособие для филологов-иностранцев. М.: Русский язык, 1979. 224 с.
109. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917–2000). Учебный комплект. Учебное пособие. Хрестоматия. М.: Флинта: Наука, 2002. 634 с.
110. Кузнецов В. Г. Идеология и язык (на материале советского дискурса) // Политическая лингвистика. 2025. № 3(111). С. 30–40.
111. Купина Н.А. Жизнеописание и за-текст // Феномен затекста. Екатеринбург: УрГУ, 2022. С. 77–92.

112. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. М.: Флинта, 2017. 186 с.
113. Кухаренко В.А. Текст и его структура: учебное пособие. М.: Флинта, 2018. 185 с.
114. Лесняк М. В. Речевая стратегия как инструмент моделирования возможной действительности в политическом дискурсе (с позиции скрытой прагмалингвистики) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 3(332). Филология. Искусствоведение. Вып. 87. С. 61–67.
115. Липатова Т.В. К вопросу о планах языковой деятельности // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 32–36.
116. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство, 2010. 152 с.
117. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Ленинград: Просвещение, 1972. 272 с.
118. Лутин С.А. Истоки и суть детерминантного подхода к языку как системе // Вестник РУДН: Серия «Лингвистика». 2006. № 2(8). С. 13–21.
119. Лутин С.А. Системно-типологический анализ результативных конструкций русских говоров Севера и Северо-Запада: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.19. Саратов: Саратовский ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 1990. 24 с.
120. Лысакова И. П. Язык газеты и типология прессы: Социолингвистические исследования. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 243–250.
121. Лэлэ Ван. Особенности выражения образа автора в научных текстах (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история»): автореф. дис...канд. филол. наук: 5.9.5. М.: РУДН, 2022. 24 с.
122. Максименко О.И. Публицистический стиль в свете этики дискурса: М. М. Бахтин и современные медиа // Медиалингвистика. 2018. № 5 (15). С. 75–85.

123. Манаенко Г.Н. Отображение коммуникативных интенций публициста на основе осложняющих конструкций // Медиалингвистика. Вып.2.: Речевая коммуникация в средствах массовой информации: II Междунар. науч.-практич. семинар. СПб.: 2013. С.161–164.
124. Махонина С.Я. 1917 год и русская журналистика // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. №6. С. 71–87.
125. Медведев Е.Ю. Семантическая структура православной литургийной проповеди: дис...канд. филол. наук: 10.02.01. РУДН, 2018. 136 с.
126. Мельников Г.П. Азбука математической логики. М.: Знание, 1967. 104 с.
127. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. М.: Наука, 2003. 396 с.
128. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры. 2012. 176 с.
129. Миннулин Б.К. К вопросу изучения соотношения понятий «публицистический стиль» и «язык газеты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч.3. С. 130–132.
130. Михайлова И.В., Барис Т.А. Основные этапы использования языковых средств нарративных конструкторов в инвариантной модели коммуникативной интеракции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10(125). С. 21–24.
131. М. М. Бахтин как философ: [Сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. Москва: Наука, 1992. 251 с.
132. Молчанов. А.Г. Пресса России в годы революции и Гражданской войны: (окт. 1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 271 с.
133. Никифорова О. О. Политический дискурс, политическая коммуникация и СМИ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 6 (33). С. 36–41.

134. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001. 672 с.
135. Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. М.: РУДН, 2001. 842 с.
136. Новоселова В. А. Трансформация фразеологических оборотов как средство речевой экспрессии в политическом дискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5(182). С. 61–69.
137. О कोरोков А.З. Шаги революции. Великий Октябрь глазами современников. М.: Политиздат, 1967. 239 с.
138. Орлов И.Б. Политическая культура России XX века: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 223 с.
139. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы: Сборник статей, докладов, лекций и речей. Петроград, 1923. 390 с.
140. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы в условиях Гражданской войны и социальной катастрофы (1917 – начало 1920-х гг.). М.: Русский путь, 2021. 728 с.
141. Панкова-Козочкина Т. В. «Земля и воля» как движущий мотив крестьянских волнений в деревне юга России 1920-х гг. // М.: КЛИО, 2010. № 3 (50). С. 146–149.
142. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. М.: Языки славянской культуры, 2016. 680 с.
143. Пиотровский Р.Г. Компьютеризация преподавания языков. Л.: ЛГПИ, 1988. 74 с.
144. Переверзева И.В. Коммуникативно-прагматические функции экспрессивных синтаксических конструкций в текстах газетно-публицистического стиля // Всероссийская научно-практическая конференция «Новые тенденции в образовании и науке: опыт

- междисциплинарных исследований»: Ростов-на-Дону. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 630–633.
145. Переверзева И. В. Транслатологические особенности сохранения эмоциональной информации в текстах газетно-публицистического стиля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №8(74): в 2-х ч. Ч.2. С. 140–142.
146. Погодин А.Л. Язык как творчество (психологические и социальные основы творчества речи): происхождение языка // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 4. 1913. 557 с.
147. Поливанов Е.Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. М.: URSS, 2019. 110 с.
148. Пучкова Е.В. Модальность. Метафоризация. Масштабность и связи мыслительно-языковых конструктов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6(2). С. 327–332.
149. Ранинен А.А. Категория модальности на страницах газет как объект анализа языка СМИ // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 1(20). С. 89–91.
150. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813-1913 гг.). Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 350 с.
151. Ракитова Л.А. Основопологающие категории писательской публицистической прозы 1917 – 1921 годов: «революция», «интеллигенция», «русская идея. [Электронный ресурс] // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayuschie-kategorii-pisatelskoy-publitsisticheskoy-prozy-1917-1921-godov-revolyuetsiya-intelligentsiya-russkaya-ideya> (дата обращения 05.04.2026).
152. Рикёр П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 27–36.

153. Родионова Т. С. О некоторых особенностях перехода к массовой газете в России на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 162–166.
154. Розанов В.В. О понимании. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 639 с.
155. Розенталь И.С. Большевики и российское общество // История России в современной зарубежной науке. 1999. № 1. С. 11–33.
156. Романова С.А. Язык как отражение социальных изменений в обществе: дис... канд. соц. наук: 22.00.04. М.: МГУ, 2002. 174 с.
157. Романов А.А., Романова Л.А. Функционально-семантическое представление как регулятивный конструкт ментальной репрезентации туннельной локализации языкового знака // Организационная психолингвистика. 2018. №1(1). С. 72–95.
158. Рябов А.В. Стадии идеологизации в отношениях государства и культуры советского периода // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. СПб: СПб УГПС МЧСР им. Е.Н. Зиничева, 2020. № 4 (49). С. 52–55.
159. Ряжских Е. А. Современный русский язык: лексикология. Учебное пособие. Воронеж: Фак-т журн. ВГУ, 2016. 120 с.
160. Самарина И.В. Прагмалингвистическое исследование речевой деятельности политиков по коммуникативным стратегиям «создания круга своих и круга чужих» // Вестник СамГУ. 2006. №8(48). С. 213–219.
161. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926) М.: УРСС, 2003. 248 с.
162. Семенова А. Л. Культурный код и сценарии будущего: от концепции к экспозиции // Сопряжение идей... Сопряжение смыслов...: сб. ст. В. Новг.: Изд-во НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2015. С. 40–51.

163. Семенова Н.В. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической» контрреволюции: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Томск.: ТГУ им. Куйбышева, 1977. 204 с.
164. Серeda Н. Д. Пресса и власть: опыт газеты «Русские ведомости» // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX в.: сб. науч. работ. Череповец: ЧГУ, 2017. С. 23–25.
165. Сердобинцев Н.Я. Структура стиля и структура стилистики // Основные понятия и категории лингвостилистики: сб. науч. работ. Пермь: ПГУ, 1982. С. 61–71.
166. Синельникова Л.Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика. 2009. №4(30). С. 41–47.
167. Сковородников А. П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. Москва: Флинта, 2011. 480 с.
168. Сковородников А.П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. №1 (55). 2016. С. 42–50.
169. Словарь русского языка: В 4-х тт. / отв. ред. А. П. Евгеньева. 4-е изд. М.: Русский язык, 1999.
170. Смурыгина С.Н. Терминологическая антонимия как средство создания стилистического эффекта в газетно-публицистическом стиле // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. №55. С. 149–153.
171. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред.: Л.П. Крысин // Рос. академия наук. Ин-русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.

172. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / отв. ред. М.Н. Кожина. М.: Флинта: Наука. 2003. С. 313–323.
173. Степанов С. А. Черносотенные союзы и организации // Политические партии России: история и современность: отв. ред.: А.И. Зевелев, Ю.П. Свириденко и др. М.: РОССПЭН, 2000. С. 113–132.
174. Сучилкина Е.В. Значение языка в советской идеологии // Человек, общество и государство в современном мире: сб. науч. трудов. Пенза: ПГТУ, 2016. С. 29–33.
175. Суханов Ю.Ю. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 5(71): в 3-х ч.: Ч. 1. С. 147–149.
176. Сьюй Лили. Метафорическое моделирование конфуцианского философского дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Выпуск 9. 2024. С. 3146–3154.
177. Таймасова Я.В. Отношение либеральных публицистов "Русских ведомостей" к правительственным реформам 1860 - 1870-х гг.: дис...канд. истор. наук: 05.06.01. М.: РУДН, 2017. 176 с.
178. Татарова Г.Г. Система языковых конструкторов анализа социологических данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. №4-5. С. 35–46.
179. Тузова Е.И. Концептуальные модели эффективных предвыборных кампаний на посты мэров Москвы и Лондона: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: РУДН, 2016. 17 с.
180. Тюрина О.А. О метаязыке описания политической коммуникации в терминах тактико-стратегического подхода // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9. № 3(32). С. 88–94.

181. Филатова О.Г., Тарасова А.А. Содержание российских печатных СМИ в 1917–1922 гг. как фактор формирования новой политической культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. №3. С. 202–224.
182. Философский энциклопедический словарь / отв. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия. 1983. 839 с.
183. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской кн. 2008. 959 с.
184. Факторович А.Л. Соотношение «голосов» при полифонии в немедийной политической коммуникации // Вестник ВологГУ: Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. №1. С. 82–87.
185. Хачецукова З.К. Лингвориторические параметры советского официального дискурса периода Великой Отечественной войны (на материале передовых статей газеты «Правда»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Сочи: СГУ, 2007. 175 с.
186. Цахилов Т.О. Идеологизация как основа программной деятельности политических партий: история и современность // Вестник СОГУ им. К.Л. Хетагурова. 2015. №4. С. 85–89.
187. Чудинов А.П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. М.: Флинта, 2020. 234 с.
188. Шишкина Л. И. От февраля к октябрю. События революции на страницах газеты «Русская воля» // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103). С. 175–184.
189. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: СтГУ, 2006. 646 с.
190. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Кн. 1: Структура знака: смыслы, значения, знания. М.: Вост. лит. РАН, 2005. 463 с.
191. Щедровицкий Г.П. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) // Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 5. М.: 2003. 288 с.

192. Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации. Специфика и функционирование: Учебное пособие. Воронеж: ВГУ, 2004. 194 с.
193. Cap P., Okulska U. Analyzing Genres in Political Communication. Theory and practice. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. 426 p.
194. Cap P. Towards the Proximization Model of the Analysis of Legitimization in Political Discourse // Journal of Pragmatics. 2008. vol. 40. P. 17– 41.
195. Charteris-Black J. Politicians and Rethoric: The Persuasive Power of Metaphor. London: Palgrave Macmillan, 2005. 239 p.
196. Chilton P.A. Language and the Nuclear Arms Debate: Nukespeak Today. London: Pinter. 1985. 244 p.
197. Chilton P.A., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse // Discourse and Society. – London: Sage Publications. 1993. Vol. 4, No 1. P. 7–31.
198. Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics. // Discourse Studies: Multidisciplinary Introduction. London: TA. van Dijk. 1997. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. P.206–230.
199. Saussure Louis de. Manipulation and Cognitive Pragmatics: Preliminary Hypotheses // Saussure Louis de & Peter Schulz. Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 113–146.
200. Kermani H, Neyazi T. A., Lecheler S. The Limits of Computational Propaganda: Investigating Underexplored Platforms and Contexts // Political Communication. Philadelphia: Taylor & Francis, 2026. V. 43. Issue 1. 2026.
201. Umirov I.E. Political Lexicon (Linguistics) as a Scientific Discipline // Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture. Uz.: SWLU. 2024. V. 4. Issue 11. P. 46–53.